

Николай КОНЯЕВ

г. Санкт-Петербург

Глава пятая
ДЕФОЛТ

ЛАМПАДА В РУКЕ СПАСИТЕЛЯ

«Литературная Россия»¹ напечатала статью Татьяны Батуриной «Лампада в руке Спасителя» о моей книге «Охота в старых кварталах»...

«Когда приверженцы нынешней жизни хотят сказать о ней нечто хорошее, да к тому же еще и швырнуть увесистый камень в недавнее советское прошлое, они произносят обычно слово, по их мнению, обозначающее это хорошее. Слово это – свобода! Звучит оно в разных фразах, но выражение лица говорящих неизменно бывает напряженное и злое.

Новая книга Николая Коняева с этим утверждением спорит; нет, даже не спорит, опровергает это утверждение. Поразительно чуткий к социальным коллизиям времени, ухватывающий цепким взглядом то, в чем, кажется, заключен его главный признак, Коняев даже названием своей книги дает не-

кую формулу современности, имеющую как прямой смысл (за приподнявшимся у приятеля Витюхиным гонятся двое на «Ниве», охотятся за ним, как за дичью, предназначенной на корм животным, и в конце концов убивают его), так и переносный. В рассказах Н. Коняева все убеждает, что идет жестокая «охота» за человеком, что истребляется русский человек – безысходностью условий, в которых он существует, безденежьем, недоеданием, водкой, полной бесперспективностью. Все это убивает живую душу, постепенно истребляет физически. И какая уж тут свобода! В недавнем прошлом, хоть и жили люди лучше, не было духовной свободы (об этом повесть «Столица нашего мира», завершающая сборник). А сейчас и вовсе живет человек, зажатый в тисках страха и отчаяния.

Любка, которую когда-то звали «Любка – сахарные губки», одна в своей холодной, пустой комнате, тяжело больная, перед уходом в больницу пытается

¹ «Литературная Россия», 7 августа 1998 года, № 32 (1852).

Окончание.

Начало см. в №1-2, 3-4 2018 г.

пристроить к соседке свою кошку, но соседке и самой есть нечего. Тогда из сострадания, чтобы животное не мучилось от голода и мороза, Любка повесила кошку. Осудившие Любку соседи не знали, что сама она в тот же вечер умерла в приемном покое («Любка, Любка – сахарные губки»).

Не выдержало сердце Петра Александровича Криницина при виде страшной картины: там, где были братские могилы, «ревел на краю дачного поселка бульдозер. Окутанный синеватыми выхлопами, он толкал перед собою желтоватую землю, вместе с накренившейся вверху жестяной тумбочкой с красной звездой. Он ревел, как тот танк, вползавший перед Петром Александровичем на бруствер». Это был последний бой солдата: он сделал все, чтобы прекратить кощунство, но не равны были силы («Последний бой»).

Еще вчера радостно переживший свое спасение из ледяной полыньи, умирает в пустом вагоне метро Свешников, убитый непониманием близкого человека («Следующая остановка – конечная»).

Мечутся люди, пытаюсь спастись от безысходности и скуки, бегством ли, телевизором ли, выдумывают себе – кто богат воображением – какую-то иную жизнь, то папу-итальянца, то НЛО, то свидание с инопланетянами. Но никто не мигнет своей конечной остановки.

Рассказы Коняева вызывают ощущение достоверности – будто и в жизни все произошло именно так. Это тем более удивительно, что в них часто присутствует элемент фантастики. Понимаешь, конечно, что все это – и инопланетяне, и появление человека, уже умершего, – плод воображения героев. Но и об этом говорится как о действительно случившемся. Даже мистическое воспринимается в рассказах как часть реальности.

Почти каждый рассказ заканчивается трагически. Читать их все подряд трудно. После каждого хочется отложить книгу и подумать о жизни. И мысли приходят суровые и горькие. И все-таки в итоге не скажешь, что автор ничего не оставляет нам, кроме этой самой «конечной остановки». Он посветил-таки яркой свечечкой, указав путь к спасению...»

Рецензия длинная и очень умная.

Многие рассказы не просто проанализированы, а прочитаны, я бы сказал, душой.

Не сказано в рецензии только то, что книга эта, набранная и сверстанная в издательстве «Голос», была размножена мною и переплетена тиражом два экземпляра, один из которых я и подарил Татьяне Батуриной...

8 августа 1998 года, Санкт-Петербург

МАРШ МЕРТВЫХ КОМАНД

Среди серых и безнадежных сообщений из телевизора собственные дела идут вроде бы неплохо.

Сегодня позвонила Марина Ганичева, сказала, что в «Роман-газете» вышла повесть «Марш мертвых команд» про Валентина Пикуля.

Поблагодарил ее, но никакой радости не почувствовал, просто весь день вспоминал стихотворение Валентина Саввича, давшее название повести...

*Поднявшись над палубной кровлей,
Мы год уж который подряд
На волнах, пропитанных кровью,
Проводим привычный парад...
И, как приказано, – в полночь
Мы поручни трапов на ощупь хватали.
Тонули мы молча, падали молча
И молча всплывали, всплывали, всплывали...*

Потом спохватился, подумав, что это стихотворение как-то удивительно созвучно ходу и моих собственных дел в эти августовские дни 1998 года...

Действительно, и тонули мы молча, и падали молча, и молча всплывали, всплывали, всплывали...

11 августа 1998 года, Санкт-Петербург

МЕЛКИЕ МЫСЛИ

Живешь в поселке, где простые заботы – принести воды, протопить плитку, найти нужную доску... – оттесняют все остальное, и ни о чем другом уже и не хочется думать.

И планы здесь тоже мелкие – починить проломанный забор, собрать яблоки, пока не унесли их...

И сам понимаешь, как мелко и ничтожно это, потому что яблокам тем грош цена и когда привезешь их в город, так и сгниют они между стеклами окон, но всё равно думаешь про яблоки, думаешь, что надо бы построить тепличку, как у соседа, а желательно – побольше...

Обдумываешь, куда это с ведрами пошла на задворки соседка...

Ага, там самосвал щебенки вывалили... Надо туда и мне сходить, принести...

И так целый день.

Ни одной большой мысли в голове, ни о Ельцине, ни о дефолте, одна только житейская мелочь.

И так досадно становится, что хоть немедленно бросай охапку с дровами и садись думать о многострадальной Родине, как помочь ей, как пособить бедной...

И только одно мешает. Какое-то очень твердое убеждение, что всё равно, что бы ни надумал, всё

это мельче окажется, чем то, о чем целый день напролет думаю.

О доске, о яблоках, о щебенке...

25 августа 1998 года, Вознесенье

СЕГОДНЯ – УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ
Сегодня – Успение, и мы ходили на кладбище. Постояли возле наших могил, помолились. «Отче наш» прочитали, «Достойно есть», потом поминальные молитвы...

Кладбище у нас бестолково устроено. Одна оградка прямо стоит, другая наискосок. Одна на пригорке, другая по склону вниз, и хотя все могилы вырыты с запада на восток, но как-то так получается, что все фотографии с надгробий на тебя смотрят.

Смотрят капитаны в фуражках, смотрят послевоенные комсомольцы в «москвичках», смотрят юноши и девушки шестидесятых, смотрят и нашего поколения люди, и совсем молодые.

Смотрят и словно прислушиваются к словам:

– Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с тобою, благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших...

Такие простые слова, но многие лежащие здесь, кажется, впервые и слышат их...

28 августа 1998 года, Вознесенье

ДВА ПИСЬМА

Вернулись в Санкт-Петербург, а там меня ждут два письма.

Одно от Василия Ивановича Белова из Вологды:

«Здравствуйте, Николай Михайлович!

Только что прочитал Вашу превосходную публикацию о Пикуле, и мне показалось, что это достойная заявка для ЖЗЛ...

Существует ли еще «Молодая гвардия»?

Если она существует, то спешите!

Пишите жизнеописание Валентина Саввича, у Вас получится! Пишите эту книгу, пока есть «Супчик», пока он горячий, пока жива вдова и картотека с портретами...

Вспомнил я сейчас о картотеке Сергея Маркова, с которым была у нас дружба, который достоин нашей памяти так же, как достойны В.С. Пикуль и Н.М. Рубцов. Время бежит слишком скоро...

Кланяюсь Вашим близким, Белов.

3. VIII.98, из Вологды».

И другое письмо в роскошном конверте с грифом «Федеральное собрание – парламент Российской Федерации» от бывшего председателя Совета Ми-

нистров СССР, а ныне депутата Государственной думы Николая Ивановича Рыжкова:

«Уважаемый Николай Михайлович!

Недавно я с большим удовольствием прочитал номер «Роман-газеты», посвященный нашему выдающемуся русскому писателю Пикулю Валентину Саввичу.

Я очень рад, что, в отличие от многих «толстых» журналов, которые практически обошли его юбилей, «Роман-газета» достойно отметила эту дату.

Особенно мне понравилась Ваша повесть «Марш мертвых команд». Она честная и откровенная, открывает занавес личной и общественной жизни этого замечательного человека. Сколько травли, лжи и грязи было, да и сейчас вылило на голову этого российского патриота? И в первую очередь это делают «братья по перу».

Уверен, что имена этих негодяев не останутся в памяти людской, а Валентин Саввич в ней будет всегда. Поверьте мне, чем больше они топчут нашу Родину и наш народ – тем больше люди будут вспоминать Пикуля-патриота.

Большое спасибо Вам за замечательную статью, а я был и остаюсь почитателем этого русского писателя...

С уважением Н.И. Рыжков».

Такие вот письма...

Понятно, что они больше самому Валентину Саввичу и адресованы, но моему Валентину Саввичу...

2 сентября 1998 года, Санкт-Петербург

СКЛАДСКИЕ НОВОСТИ

Пока Борис Николаевич Ельцин продавливал в Думе кандидатуру Виктора Степановича Черномырдина, цены на продукты улетели за облака.

Хорошо, что мы с Мариной, вернувшись в Питер еще в конце августа, успели все имеющиеся рублевые накопления вложить в продукты.

Вся квартира сейчас забита банками и мешками и отчасти похожа на склад.

Впрочем, так не только у нас...

У знакомых квартиры тоже стали похожими на кладовки.

Сидим теперь среди мешков и коробок и слушаем, что председатель Центрального банка России Сергей Дубинин подал Борису Николаевичу Ельцину прошение об отставке...

Что Совет безопасности России предлагает «немедленно дезавуировать заявление правительства и Банка России от 17 августа»...

Что Б.Н. Ельцин предложил Государственной думе утвердить председателем Правительства

Российской Федерации Евгения Максимовича Примакова...

Что подписан указ о назначении первым вице-премьером коммуниста Юрия Дмитриевича Маслюкова...

Что премьер-министр Е. М. Примаков заявил, дескать, Россия выполнит взятые на себя обязательства по долгам и будет выплачивать их в полном объеме.

Что в беседе по телефону с американским президентом Биллом Клинтонем Борис Николаевич Ельцин заявил о неизменной внешнеполитической линии страны и курса на продолжение рыночных реформ.

Что в Лондоне состоялась экстренная встреча «большой семерки»...

Что заместители министров финансов и иностранных дел индустриально развитых стран обсуждали кризис в России и решили ограничиться моральной поддержкой...

Что за получение взятки и злоупотребление служебным положением Генеральная прокуратура России возбудила уголовное дело в отношении бывшего мэра Санкт-Петербурга Анатолия Александровича Собчака...

Такие вот новости и обсуждаются сейчас на складах по всей стране.

14 сентября 1998 года, Санкт-Петербург

ОШИБСЯ ТЕЛЕФОНОМ

Мы, конечно, правильно поступили, что сохранили свои небольшие накопления в долларах, а остатки наличных стремительно дешевоющих рублей вложили в продукты.

Но что делать теперь?

В Москве у меня застряла масса неполученных гонораров, и, зная это, доллары как-то не хочется обменивать на рубли.

Позвонил сегодня в Москву, в «Молодую гвардию», спросил у Александра Кротова, не собираются ли они перечислить мне гонорар, который задолжали?

– Ты телефоном ошибся... – ответил Кротов. – Звони Примакову. У нас ни одна платежка не проходит!

Вечером приходил Игорь Черносов.

Оставил пленки с новыми записями начитанного им на радио «Митрополита Вениамина».

19 сентября 1998 года, Санкт-Петербург

ЧЕТВЕРТЫЙ НОМЕР

Первый номер газеты «Литературный Петербург» мы выпустили еще к Пленуму Союза писателей России.

Сбором материалов и редактированием занимались тогда я, Гена Муриков и Женя Попов, а Иван Иванович Сабилло решал вопрос с версткой и печатанием газеты.

Номер получился удачный, и останавливаться на нем – после пленума осталось столько материалов! – мы не стали.

А там и обретение мощей преподобного Александра Свирского случилось, и это стало центральной темой третьего номера. Материалы о поездке на Валаам и остатки пленумовских докладов удачно дополнили его.

Как-то сама собою очень приличная газета православно-патриотического направления устроилась.

И писательская жизнь организации освещена, и материалы, хотя мы и не платим авторам ни копейки, оригинальные и достаточно мощные подобраны.

Сегодня Иван Иванович пригласил посмотреть материалы для четвертого номера. Пришел в Союз, а там кроме Ивана Ивановича в гостиной у камина сидят Анатолий Иванович Белинский, Вячеслав Николаевич Кузнецов, Аскольд Львович Шейкин. Ну прямо партбюро из прежней писательской организации в полном составе.

Ни редколлегии, ни редактора – под номерами мы с Иваном Ивановичем подписываемся как ответственные за выпуск! – у нас в газете нет, и участие партбюро в формировании номера меня насторожило было, но все обошлось.

Без особых споров составили и этот выпуск.

Открыло его выступление губернатора Владимира Анатольевича Яковлева, обругавшего на встрече с работниками творческих союзов и учреждений культуры Комитет по культуре и его председателя Владимира Петровича Яковлева.

В середину газеты поставили отрывок из книги И.И. Сабилло «До выстрела» и – на разворот! – мою статью «Русская идеология. Савл или Павел», а завершить номер я предложил отказом Комитета по культуре установить к 90-летию юбилею памятную доску праведному Иоанну Кронштадтскому на подворье Важеозерского монастыря.

Ответ В.П. Яковлева – «Совет не считает целесообразным создание мемориальной доски в Петербурге», так как имя «Сергиева И.И. и его деятельность связаны прежде всего с Кронштадтом» – вместе с его же отказом увековечить в городе память поэта Николая Рубцова мы и воспроизвели на восьмой полосе газеты.

Так что и при коммунистической редколлегии номер получился весьма православно-патриотического направления.

21 сентября 1998 года, Санкт-Петербург

РОССИЯ В ОБВАЛЕ

Всё не могу отделаться от неприятного ощущения, вызванного чтением статьи «Россия в обвале» Александра Исаевича Солженицына.

Вроде все правильно и про разрушенную чубайсами и гайдарами Россию, и Ельцина Александр Исаевич ругает, и олигархов, и прочих демократов...

Но странно – такое ощущение, что хотя и ругает он их, а делают они одно дело.

Это поразительное свойство Александра Исаевича...

Он ведь, наверное, действительно любит Россию, но что эта любовь рядом с неизживаемым Солженицыным пафосом разрушения СССР?!

Этот дух настолько силен в Александре Исаевиче, насколько сильно в нем осознание абсолютной правильности той разрушительной деятельности, которой он занимался прежде.

И если сейчас Россия свернет с указанного Солженицыным пути, ей – это ощущается в каждой строчке его писаний! – тоже несдобровать.

И никакая горячая любовь к Отечеству не станет тут помехой для Александра Исаевича, не сумеет остановить его.

1 октября 1998 года, Санкт-Петербург

*ЧТОБЫ НЕ ПОЗВОЛИТЬ
ПРЕВРАТИТЬ ПОБЕДУ В ПОРАЖЕНИЕ*

Сейчас, когда то и дело слышишь, что Россия будто бы окончательно проиграла холодную войну и поставлена на колени, самое время задуматься, в чем же заключался секрет былой непобедимости России?

Неужто в том, что русские генералы были талантливее французских маршалов? Или, может быть, русские солдаты превосходили выучкой и дисциплиной немецких?

Конечно же, нет...

Если в чем и превосходили мы своих противников, то только в терпении. Терпение, заложенное в самом православном менталитете, вот истинный источник победы и в 1812 году.

Правда, Александр Сергеевич Пушкин называл его иначе:

*Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?*

– но по сути никакой разницы тут нет.

Схожее с остервенением терпение помогло нам и в Великой Отечественной войне.

Даст Бог, выстоим мы и в нынешние лихие девяностые.

Конечно же, это годы безудержного воровства и реформаторского маразма и привели к нынешнему дефолту, но удалось ли сломить наш народ?

Нет...

Невероятно, но наша страна выстояла и здесь, где не выдержал бы ни один народ!

Еще раз доказала наша страна самой себе, что невозможно поработить православных людей, ибо нет свободы большей, чем православное смирение.

Внешние и внутренние враги России явно поспешили с празднованием своей победы. Впрочем, ведь и Наполеон праздновал победу, входя в Москву, праздновал и Гитлер, подходя к Москве и Ленинграду...

Но если нельзя победить, то можно объявить о победе, можно приставить незаметный минус, чтобы обратить созидательный труд народа, его нравственность в отрицательную величину...

Чтобы не допустить этого, мы и должны возрождать национальное самосознание. Только оно не позволит политтехнологу превратить нашу победу в очередное поражение.

9 октября 1998 года, Санкт-Петербург

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

Совет Федерации отклонил проект постановления, в котором Борису Николаевичу Ельцину предлагалось уйти в отставку.

Я – первый раз! – ездил в Москву на заседание Приемной комиссии, куда меня ввели на место, опустевшее после Глеба Александровича Горышина.

Там я увидел людей, которых не видел уже тысячу лет.

На заседании комиссии сидел рядом с Николаем Семеновичем Евдокимовым, в семинаре которого завершал обучение в Литературном институте...

Такая вот неожиданная встреча.

Николай Семенович, как мне показалось, еще более, чем я, доволен был этой встречей.

14 октября 1998 года, Москва

ПОДПИСЬ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Взялся написать книжку про приход преподобномученика Андрея Критского, история которого освещена сиянием великого русского святого – Иоанна Кронштадтского.

Возрожденное приходом Общество ревнителей веры и милосердия носит сейчас имя Всероссийского батюшки. Но связь не только в названии Общества. Она в самом воздухе приходской жизни, в живой памяти здешних прихожан.

И это, наверное, самое замечательное и удивительное...

Казалось бы, что может сохранить память живых людей спустя девяносто лет после завершения земного пути святого, семьдесят из которых к тому же окутаны злою тьмой атеистического равнодушия?

Оказывается, может...

Отец Валентины Васильевны Кудрявцевой – Василий Михайлович Востренков – до революции работал машинистом на железной дороге. Водил поезда, следовавшие из Петербурга в Ораниенбаум. Нередко пассажиром его поезда оказывался и праведный отец Иоанн Кронштадтский... Василий Михайлович хорошо знал, как пройти к служебному помещению на Балтийском вокзале, где, ожидая поезда, отдыхал отец Иоанн.

Поэтому, когда произошло несчастье в семье – ослепла свояченица, – решено было показать ее Кронштадтскому чудотворцу. Отец Иоанн был последней надеждой семнадцатилетней девушки.

Узнав утром, что отец Иоанн проехал в Петербург и, значит, вечером (отец Иоанн всегда возвращался ночевать на остров) поедет обратно, Василий Михайлович отвез свояченицу на Балтийский вокзал, провел ее к комнате, где находился батюшка.

Далее Валентина Васильевна рассказывала эту историю уже со слов самой Марфы Ивановны...

Выслушав просьбу девушки, тяжело вздохнул Иоанн Кронштадтский.

– Я не Господь, чтобы исцелять, – сказал он. – Я только помолиться, бедная, могу за тебя. Иди с Богом. Я помолюсь.

– Как зашла крестная слепую, так и вышла. Ничего не видит, – сказала Валентина Васильевна. – А помещение, где она у отца Иоанна была, в самом конце вокзала под арочным навесом находилось.

Взял ее отец за руку и ведет к поезду, чтобы назад домой везти. А крестная уже и не плакала.

«Что ж, – думала, – если суждено слепой жить, не одна я такая... Другие слепые тоже живут...»

И тут – еще до выхода из-под арки не прошли! – вдруг свет увидела.

– Господи! – говорит. – Красиво-то как!

– Так и прозрела она... – завершая рассказ, сказала Валентина Васильевна. – До семидесяти годов крестная дожила, а очков не носила. И в последние годы нитку в иглолку сама вдевала...

Это чудо исцеления Марфы Ивановны Масловской (в замужестве Курановой) произошло в 1903 году – в том самом году, когда первого июня был освящен храм преподобному ченику Андрея Критского.

Случайное совпадение?

Но разве может происходить что-то случай-

ное в том невестественном Храме, что воздвигался Промыслом Божиим по молитвам великих святых?

Первым поставил праведный Иоанн Кронштадтский свою подпись в списке учредителей Общества ревнителей веры и милосердия...

И совершившееся по его молитвам чудо исцеления слепой девушки в дни, когда освящался храм Общества, это тоже его подлинная – не спутаешь ни с чьей другой! – подпись...

И еще...

Хотя и говорил я, что удивительно, чтобы спустя девяносто – и каких! – лет сохранилась живая, не из книг, память о праведном Иоанне Кронштадтском, слушая рассказ Валентины Васильевны Кудрявцевой, я нисколько не удивлялся этому.

На века поставлена эта подпись святым праведным Иоанном Кронштадтским.

20 октября 1998 года, Москва

ВЫХОД ИЗ ПРОСТУДНОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

Между тем курс доллара перевалил уже за восемнадцать рублей.

Завершив рассмотрение трех пунктов обвинения, выдвинутых против Бориса Николаевича Ельцина (Беловежские соглашения, события октября 1993 года и чеченская война), думская комиссия по импичменту отложила слушания.

Сам Борис Николаевич Ельцин прошел «плановый медосмотр» в Центральной клинической больнице, установивший, что он «выходит из простудного заболевания», и отправился в санаторий «Барвиха».

На Южных Курилах начался сбор подписей за передачу островов в длительную аренду правительству Японии, но что-то не заладилось у них, хотя по телевидению весьма сочувственно рассказывали об этом начинании.

29 октября 1998 года, Санкт-Петербург

ЕЩЕ ОДНА КНИЖКА

Председатель Центробанка Виктор Владимирович Геращенко заявил, что Россия в 1999 году не сможет расплатиться по внешним долгам.

С утра еще раз просмотрел завершённую рукопись книги о приходе храма Андрея Критского.

Это еще одна моя книжка...

Днем пришел протоиерей Валерий Швецов.

Принес 370 финских марок, сказал, что это всё, что он может предложить в качестве остатка гонорара.

Я отдал ему рукопись.

28 ноября 1998 года, Санкт-Петербург

ЗА ДВАДЦАТИРУБЛЕВОЙ ОТМЕТКОЙ

Курс доллара перевалил за двадцатирублевую отметку, и комиссия по импичменту Бориса Николаевича Ельцина признала необоснованными обвинения в государственной измене. А вот злоупотребление должностным положением имело место, и это подпадает под действие 285-й статьи Уголовного кодекса.

Остался нерассмотренным еще последний пятый пункт обвинений, касающихся геноцида российского народа.

Ездил в Москву на Приемную комиссию.

В «Нашем современном» сказали, что мне присуждена премия за «Марш мертвых команд».

9 декабря 1998 года, Москва

СТАРЕЦ

Сколько себя помню, всегда хотелось знакомств с интересными и влиятельными людьми...

Может быть, не больше, чем другим, но, наверное, и не меньше.

И вот с удивлением начал замечать, что прискучили и интересные люди, и к влиятельным что-то не тянет.

Совсем другого общения ищешь...

Старец – весь в черном, только борода белая! – из того нового круга, куда тянет... Так хотелось попасть к нему, а приехал и позабыл, чего спросить хотел... Вернее, сообразил, что и не думал об этом.

– Молюсь рассеянно, – покаялся. – Если одно слово только и произнесу во время утреннего или вечернего правила с подлинной верой, так и то добро.

– Как не добро, – улыбнулся старец. – Если и за целую жизнь одно слово с полной верой произнести, горы свернуть можно.

– Неужели так?

– Дак не бывает иначе... Пока не совершенен внутренне, пока вера не глубока, и сила молитвенная не дается... Если бы иначе было, все горы не в ту сторону сворочены были бы...

И отвернулся от меня старец к другим, жаждущим его слова и утешения. И вроде и не говорил больше со мной, а разговор продолжался.

Словно бы внутри звучал голос старца:

– Даст Бог, и доживет человек до старости... Немощен станет. И немощь-то его от греховного и освободит. Очищается человек в скорбях и болезнях. Облегчается в раскаянии душа. С такой душой и ко Господу легче взойти будет...

Старец ли это говорил, сам ли я думал так?

Уже уходил он от нас в свою келью.

Шел, опираясь на клюку, седобородый, тихий, наполненный каким-то нездешним покоем.

Тихо ступал, неслышно...

А вокруг словно вихрь бушевал, гром гремел, молнии блистали – чудеса Божии совершались...

И всё – в покое, среди незамутненно-ясного дня.

19 декабря 1998 года, Санкт-Петербург

НОВОГОДНЯЯ АНКЕТА

В последнем номере «Литературной России» за этот год помещена «Новогодняя анкета».

На вопрос «Что вы ожидаете от наступающего года?» я ответил:

– Последние годы – постоянное ощущение, что наша одуроченная страна вот-вот должна очнуться от колдовского обморока. И в конце уходящего года ожидание это особенно сильно.

А рядом ответ Юрия Козлова:

– Ждать «милостей» от жизни не приходится. Я знаю немало достойных и сильных людей, которые все больше «смещаются» в частную жизнь, оставляя события течь своим чередом. Больше всего печалит то, что люди по-прежнему (и уже, видимо, невозвратно) разобщены, а если и объединены, то опять-таки на базе личных, но не общих (для народа, государства) интересов...

Специально так в газете сверстали или случайно – получилось, но вышло, что эти слова как бы еще и реплика на мои слова. Ответ, безусловно, верный, отчасти даже мудрый, но все равно желание, чтобы страна очнулась, не проходит.

И понятно, что тут не только объединяться надо, а еще и молиться.

И хотя бы надеяться надо, как это в своей новогодней анкете Белла Ахмадулина говорит:

– Нас ждет Пушкинский год. Он, безусловно, сулит восторги и умиления...

27 декабря 1998 года, Санкт-Петербург

Глава шестая
ПУШКИНСКИЙ ГОД

НОВЫЙ ГОД

Новый, юбилейный пушкинский год встретили с Мариной вдвоем.

Почти не пил и никому не звонил. Телевизор – так невыносимо скучно было! – выключили.

Около часа ночи сел за работу и написал несколько страничек.

С утра (вернее с полудня) снова писал.

Вместо выпивки какие-то согревающие и возбуждающие мысли о новом этапе жизни, начинающемся в этом году.

1 января 1999 года, Санкт-Петербург

ДЕНЬ ПАМЯТИ ВСЕРОССИЙСКОГО БАТЮШКИ

Сегодня день памяти всероссийского батюшки – святого праведного Иоанна Кронштадтского...

Ходили на литургию в домовый храм во имя Иоанна Кронштадтского, устроенный отцом Валерием при Психоневрологическом интернате № 7.

Одно время наше телевидение любило показывать обитателей подобных заведений, их невыразительные, малоподвижные лица, по которым невозможно определить, сколько – двенадцать или сорок – лет этому человеку...

Но странно, хотя и стояли мы на литургии среди насельников интерната, близость эта не угнетала, неподвижные, порою искаженные болезнью лица совершенно не отвлекали от службы. Напротив, как-то удивительно легко было молиться здесь.

А как пели здесь Символ Веры!

Нестройно и вразнобой, с трудом произнося слова и радуясь, ликуя, когда удавалось вспомнить и выговорить их...

Слезы наворачивались на глаза.

А потом отец Валерий ходил по палатам и прищипывал лежачих больных, но и здесь не было никакой тягости. И как-то особенно проникновенно звучали привычные слова:

*– Тело Христово примите,
Источника безсмертного вкусите...*

Впрочем, надо ли удивляться тут?

Ведь звучали эти слова среди людей, которые и руки-то сложить на груди как положено не умеют, которые и крестным знаменем себя осенить не могут, а на эти слова откликаются и их души...

И великий, изначальный смысл открывался в них...

Воистину велик Бог!

Одинаково близок Он и самым большим мудрецам, и тем, кто здесь!

Наверное, от этого и возникала радость.

Еще радостнее было от ощущения сбывшегося праздника. Об этом, наверное, и думала сотрудница интерната, когда сказала:

– Как вы сегодня весело служили, батюшка! – обращаясь к отцу Валерию.

2 января 1999 года, Санкт-Петербург

НАШЕ РОЖДЕСТВО

Всё так перепуталось в русском календаре, словно нарочно путали, чтобы совсем ничего не понимал человек.

Тут и Петровский указ о переходе на новое летоисчисление с 1 января 1700 года, и большевистская реформа, укоротившая восемнадцатый год на тринадцать дней.

И всё понятно, только всё равно человеку, не отягощенному знаниями истории, невозможно понять, почему во всех странах празднуют вначале Рождество, а потом уже Новый год, и только у нас наоборот.

– Почему так? – удивляется знакомая.

– Дело в том, – объясняю я, – что в 1918 году большевики перешли на Григорианский календарь, а Православная церковь этот календарь не приняла. По старому, церковному, стилю Новый год тоже после Рождества, 13 января по новому стилю.

– Всё наоборот у нас, – вздыхает знакомая.

Это верно.

Только с другой стороны, если подумать, то ведь и эта, порожденная, как полагают некоторые, русской «отсталостью», нелепица оказывается на самом деле чрезвычайно промыслительной.

Ну разве не символично, что все европейские страны Рождением Спасителя завершают свои календарные годы, а мы – начинаем?

И тут только и остается подивиться премудрости Божьей...

Уж как старались большевики вытравить всякое упоминание имени Христа в нашей православной стране, а получилось, что Его Рождество и поставляет в самом начале.

Потому как с этого Рождества и начинается у нас, в России, всё...

И наша страна, и наша история, и сами мы!

7 января 1999 года, Санкт-Петербург

В ТЕМНИЦЕ БЫЛ, И ВЫ ПРИШЛИ КО МНЕ...

«Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?»

Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне...»

От Матфея, 25, 44-46.

Еще не рассвело, когда наша машина въехала в поселок Металлострой.

Темнели в морозных сумерках строения ИТК № 5. По верху высоких стен, остро вспыхивая в прожекторном свете, бежала колючая проволока...

1

Подобные учреждения узнаешь сразу.

И не только по колючей проволоке, а по особой нежизни вокруг, по омертвевшему равнодушию окружающего пейзажа.

Священник Александр Степанов – у него был пропуск! – ушел в зону, чтобы начать исповедь, а протоиерей Владимир Сорокин, который и привез меня сюда, отправился хлопотать о пропусках.

Дело – мы приехали в воскресенье – неожиданно затянулось.

Постояв в плохо освещенном вестибюле, я вышел на улицу.

Видимо, близилась пересменка, и на ступеньках топтались охранники с автоматами.

Вспыхивали в сумерках огонек сигарет.

Разговоры шли о пайковом довольствии. Мелькали названия горячих точек. Но мимоходом, только на предмет воспоминаний, как там обстояло с пайковыми деньгами.

Впрочем, о чем еще было говорить, если, как афористично выразился один из охранников: «Последний х... без соли доедает!»

2

Когда, наконец, все согласовали, уже рассвело.

Тройками мы начали заходить в тамбур с автоматически захлопывающимися решетками.

Здесь проверка. Осматривают вещи. Сверяют паспорта с пропусками.

Все это по-тюремному медленно и настороженно.

Коротая время, я разглядывал фотографии – в анфас и профиль – висящие на стене в будочке контролерши. Над фотографиями надпись: «Склонны к побегу».

Наконец проверка завершена. Наша тройка прошла в зону.

И здесь – так неожиданно после бесконечных согласований и строгих проверок! – улыбающееся лицо пришедшего встретить нас заключенного.

– Отец Александр уже исповедал меня! – весело сказал он, забирая у протоиерея Владимира Сорокина тяжелые сумки со свечами и книгами. – Послал вас встретить...

За улыбающимся, совсем непохожим на заключенного провожатым двинулись и мы.

Долго шли по промзоне.

Везде – колючая проволока.

Еще – надписи...

Например, «Женщинам без сопровождающих передвигаться запрещается!»

Наконец по оплетенным колючей проволокой переходам прошли в саму колонию.

Здесь многоэтажки казарм. Грязновато-сиреневое здание клуба.

И вроде бы обычные здания, но всё так безысходно, всё пропитано такой несвободой, что становится тяжело дышать.

И тут мы поворачиваем, и сразу в глаза – такой светлый здесь! – храм священномученика Вениамина, колокольня, а рядом – похожая на игрушку церковная изба...

3

Это первый тюремный храм, заново построенный в наши дни, и это первый храм, освященный во имя священномученика Вениамина, митрополита Петроградского.

Нелепо сближать судьбу столпа православной веры – священномученика Вениамина – с судьбами уголовников, отбывающих наказание в ИТК № 5, но я вспоминал письмо, написанное митрополитом Вениамином перед расстрелом: «Трудно, тяжело страдать, но, по мере наших страданий, избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжелых страданий, полный среди страданий внутреннего покоя...» и как бы и забывал, что стою посреди уголовников.

Я стоял в церкви и – «по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога» – как бы забывал, где идет служба, кто стоит рядом...

Мы никуда не уходили из зоны, но так мучительно давящая несвобода осталась там, за дверями церкви...

9 января 1999 года, Санкт-Петербург

УМЕР ВАЛЕРИЙ ГАВРИЛИН

На улице ужасный мороз.
А в доме тепло.

Вместо того чтобы писать очерк о преподобном Иринархе для книги про русских святых, закончил своего «Пушкина». Получился триптих: «Исполнить последний долг христианина», «В вечности вратах», «Последний путь».

И как раз тут позвонил Виктор Максимов, сказал, что умер Валерий Александрович Гаврилин.

Для меня Гаврилин в музыке, как Рубцов в поэзии.

Может быть, есть более великие, более гениальные, но роднее нет никого.

И как схожи их судьбы!

Оба родились и выросли на вологодской земле детдомовскими сиротами.

У Рубцова умерла мать, а отец, вернувшись с фронта, не стал забирать его из детдома.

У Гаврилина отец погиб на фронте, а мать посадили в тюрьму...

Но ни сиротство, ни послевоенная нищета не сломили Рубцова и Гаврилина.

Музыка Гаврилина, как и поэзия Рубцова, с необыкновенной глубиной во всей его полноте раскрыла образ Родины, сумела откликнуться на чаяния измученной русской души и утишить ее боль...

Поразительно и то, как быстро, словно воплощая в себе торжество русской судьбы, обрели и Рубцов, и Гаврилин всенародное признание...

28 января 1999 года, Санкт-Петербург

НЕДЕЛЯ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ

Не существует свободы большей, чем подлинное христианское смирение...

Об этой свободе писал за несколько часов до расстрела священномученик Вениамин.

Об этой свободе – неумело и порою неловко – говорилось в письмах заключенных, которые дали мне посмотреть в Братстве великомученицы Анастасии Узорешительницы.

Многие письма – просьбы.

Чаще всего из больниц. В основном – от туберкулезников.

«Здесь очень плохо с питанием. Мы уже больше полгода не имеем жиров. Нам говорят: пишите родственникам. А мне не от кого ожидать помощи. Мы здесь находимся взаперти и никуда не ходим. Работы тоже нет. Дмитрий С.».

«Лекарств фактически нет, питание умеренное... Игорь В.».

«Меня не будут пока отправлять на больницу, потому что на больнице тоже большие трудности с медикаментами и продуктами питания. Когда засыпа-

ешь, снится обычный хлеб, и от этих снов просыпаешься в холодном поту. Алексей Т.».

На многих конвертах рукой Дмитрия, члена Братства великомученицы Анастасии Узорешительницы, сделаны пометки, что из просимого послано. Средства на посылки собираются всем Братством.

Читать эти письма тяжело.

И одновременно – очень легко.

Порою из тьмы безвыходности начинает сиять в этих письмах нечаянный, но такой ясный свет...

«Здравствуйте, братья и сестры...»

Спешу сообщить, что у меня большие перемены в жизни: мне заменили исключительную меру на пожизненное заключение, и что теперь со мной будет, куда меня увезут – не знаю. Низко кланяюсь вашему храму Анастасии Узорешительницы. Я всем вам, братья и сестры, очень благодарен за ваш нелегкий труд, за милосердие ваших душ и сердец. Я – ваш приемный дитя. И стою на коленях в храме с вами и молюсь».

Братство святой великомученицы Анастасии Узорешительницы очень тесно связано с храмом священномученика Вениамина в Металлострое.

О связи, осуществляемой через конкретные человеческие судьбы, говорят письма.

Но существует и мистическая связь.

И здесь можно было бы помянуть, что на подворье ярославского митрополита, где размещается теперь Братство святой великомученицы Анастасии Узорешительницы, неоднократно бывал Василий Казанцев – будущий митрополит, будущий священномученик Вениамин.

Можно сказать и о том, что знамя борьбы с чекистским обновленчеством Русской православной церкви предстояло подхватить из рук расстрелянного митрополита Вениамина митрополиту ярославскому Агафангелу, но все эти случайные – и такие не случайные! – исторические совпадения отходят тут на второй план...

После посещения колонии тюремного храма, после знакомства с приходом храма Анастасии Узорешительницы еще острее воспринимаются слова Господа из евангельской притчи о Страшном суде: «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне»...

31 января 1999 года, Санкт-Петербург

У РОССИИ ПУШКИН ОДИН

Этот год юбилейный...

В 1937 году говорили, что уже сто лет Россия живет без А.С. Пушкина.

Мы в 1999 году можем сказать, что уже двести лет Россия живет с Александром Сергеевичем Пушкиным.

«Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, меньше недоразумений и споров, чем видим теперь».

Эти сказанные сто лет назад слова Ф. М. Достоевского сейчас, когда опубликованы, наверное, все наброски и заметки поэта, уже без всякого «может быть» звучат как бесспорная истина.

Действительно, внимательно перечитывая записи, сделанные Пушкиным в последние годы жизни, мы ясно видим, что пушкинская мысль находилась на том уровне осмысления русской истории, природы русской духовности, который до сих пор еще недоступен современным историкам и мыслителям и который, даже если и будет освоен ими, – увы! – уже никогда не будет освящен именем Александра Сергеевича.

Увы... «Недоразумений и споров», порожденных так и не отмененными лжеистинами, за минувшее столетие стало еще больше...

Это показала дискуссия, развернувшаяся вокруг строительства часовни на Черной речке, это – ярко и зримо! – показала дискуссия, посвященная обсуждению перспектив строительства часовни на Черной речке.

«У них свой Пушкин, у нас – свой», – написала накануне газета «Смена».

«У них» – это у нас. У Святейшего патриарха Алексия, который благословил строительство часовни на Черной речке, у русских писателей и музыкантов, собравшихся в переполненных залах Капеллы и Военно-морской академии, у православных жителей города, собравшихся на благодарственный молебен и панихиду в храме Спаса Нерукотворного образа, где отпевали Пушкина.

«У нас» – это у них, у питерских «демократов»...

Во-первых, заявили наши оппоненты, место дуэли уже благоустроено – там поставлена стела, на которой скульптором Матвеем Генриховичем Манизером, автором посмертной маски Сталина, установлен бронзовый барельеф поэта и помещена соответствующая надпись.

К этому обелиску все привыкли...

Глупо было бы затевать сейчас дискуссию о происхождении самого обелиска. Важнее, что для сооружения часовни места на Черной речке вполне достаточно, и часовня не только не испор-

тит существующий мемориальный комплекс, но архитектурно обогатит его.

Второе возражение касается отношения Церкви к дуэлям вообще и к дуэли Пушкина в частности.

Вопрос не простой, но есть дуэли, и есть дуэли.

Еще М.Ю. Лермонтов в стихотворении «На смерть поэта» достаточно популярно разъяснил смысл поединка Пушкина с Дантесом...

Ну и, разумеется, благословение, данное Святейшим патриархом на строительство часовни на Черной речке, должно было бы снять последние сомнения, но как раз это благословение и стало главным пунктом, вызывающим сопротивление демократической образованщины...

Об этом и говорили приглашенные на обсуждение протоиерей Николай Головкин и священник Алексей Мороз, доктор философских наук Александр Леонидович Казин и доктор психологических наук Валентин Евгеньевич Семенов.

В каком-то смысле журналисты «Смены» оказались правы.

У них действительно какой-то свой, особый, Пушкин.

Об этом Пушкине они и создают в своем кругу столько скабрёзных и мерзких сочинений, что только диву даешься.

Разумеется, Пушкину из этих сочинений не нужна никакая часовня.

Но к нашему Пушкину эти сочинения отношения не имеют.

Наш Пушкин – великий русский поэт, и он принадлежит всей России.

У нас, в России, Пушкин один.

И это в память о нашем Пушкине и надо бы, как и положено на Руси, воздвигнуть часовню.

3 февраля 1999 года, Санкт-Петербург

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЕК

Сегодня состоящая в основном из коммунистов комиссия Государственной думы по проверке обоснованности обвинений, выдвинутых против президента Б.Н. Ельцина, завершила свою работу.

Борис Николаевич обвинен в развале Советского Союза, в незаконном роспуске Верховного Совета Российской Федерации и обстреле парламента в Белом доме, в развязывании войны в Чечне, в развале Вооруженных сил России, в геноциде российского народа.

Ну, а министр юстиции Павел Крашенинников распорядился сегодня начать проверку деятельности КПРФ на предмет ее соответствия Уставу партии и действующему законодательству страны.

Такое вот бесхитрое совпадение в этот февральский денек.

Закончил для «Русских святых» очерк про прееподобного Иринарха.

15 февраля 1999 года, Санкт-Петербург

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

На вечернюю службу, на чин прощения, ходили в церковь великомученицы Анастасии Узорешительницы на Васильевском острове.

Пока шли от метро к храму, закурил последнюю сигарету, а пустую пачку кинул в урну.

– Всё...

– Что всё? – спросила Марина.

Я напомнил, что сегодня у нас решено было бросить курить. Завтра Великий пост начинается, а отец Алексей Мороз советовал бросить курить как раз перед началом поста.

– Да?

– Да... – сказал я. – Так мы договаривались...

– Я помню... – сказала Марина, но как-то неуверенно сказала.

21 февраля 1999 года, Санкт-Петербург

НАСЛЕДСТВО

Утром приехали в Москву.

Билеты удалось взять только на «Аврору», отправлявшуюся в Питер после обеда, и, чтобы скоротать время, мы пошли с Иваном Ивановичем Сабилло посмотреть на манифестацию у американского посольства, устроенную по поводу бомбардировок Сербии. Полюбовались народом, послушали крики машин на Садовом кольце, потом вернулись на вокзал.

В поезде случился разговор.

– Нет! – горячился сидевший напротив нас в вагоне мужчина. – Нет! Вы сами посмотрите! Чего, спрашивается, нам батьки оставили? А я дочери и гараж оставляю, и машину почти новую! А главное – дачу! Это кое-что да значит. Не придется с пустого места, как мы, жизнь начинать...

– Ну не такое уж и пустое место нам батьки оставили... – сказал я. – СССР это место называлось. Страна, которую и тронуть никто не смел. Страна, в которой мы все спокойно жили!

– Это да... – посерьезнев, сказал сосед. – Это верно. В самом деле, зачем дача и участок, если страны не будет?

27 марта 1999 года, Москва

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕП

Вопреки всему, в эти теплые апрельские дни конца Светлой седмицы все-таки прошла XXIII Конференция молодых писателей Северо-Запада.

Я руководил семинаром прозаиков и не уставал удивляться, как прихотливо сливаются жизни мно-

гих моих семинаристов с судьбами персонажей, возникающих на страницах их произведений...

Уродство времени гротескно проступает уже в строчках заполненных анкет.

Вот, к примеру, выпускница РГПУ имени Герцена, она долгое время работала на книжных лотках, затем сама начала писать, создавая произведения фэнтезийного жанра в циклах «Конан» и «Рыжая Соня»...

А вот анкета, заполненная другим талантливым прозаиком: «работал слесарем на ленинградских заводах, лесником, архивариусом, водопроводчиком, дворником. В настоящее время – безработный».

С героем его рассказа «Сухой конверт», рыскающим по городским помойкам дегенератом, никак не связаны герои другого отмеченного на конференции писателя – Александра Акулова, и тем не менее их объединяет попытка убежать, скрыться от этого жестокого мира. Так поступает и превратившаяся в крысу сотрудница научно-исследовательского центра, и даже сама филология – основная «героиня» романа «Чужая вселенная» – ускользает в «тексты, снятые с контрольного стержня белитного самописца», превращается в «вольный перевод с ксик-русского»...

А вот Юрий Митрофанов – рабочий Кировского завода. Он не коренной петербуржец, приехал из Курганской области, и в его рассказах уживается атрибутика молодежной прозы, этакий попсовый стиль, замешенный на телевизионном яде и американизмах, с подлинной болью русской глубинки. Главное, что в этом соединении нет эллектики.

Вся сознательная жизнь участников семинара пришлось на время перестройки, и в своих рассказах они создают тот мир, из которого – рассказ «Сломанный тополь» – пытаются вырваться их герои и из которого еще неизвестно, удастся или нет вырваться всему их поколению.

Все эти участники семинара не похожи друг на друга, но в прозе каждого есть что-то от весеннего ветра, от которого непонятно что ждать, но от которого кружится голова...

Не обошлось на семинаре и без настоящей мистификации. Автор, может быть, самого замечательного из представленных на обсуждение рассказов «Лесной человек» записался в списке как Алексей Листопад. После обсуждения, подумав, Алексей общил, что Листопад – это не фамилия...

Но фамилию называть не стал и к вечеру исчез, подхваченный, должно быть, тем невиданным вихрем, что завершал нашу конференцию.

А вихрь был страшный.

На Васильевском острове, пока мы выпивали в рюмочной, прямо на этой улочке свалило тополь...

17 апреля 1999 года, Санкт-Петербург

АРИФМЕТИКА ЕЛЬЦИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Хорошую Конституцию написали Борису Николаевичу.

Особенно понимаешь это, когда знакомишься с результатами голосования в Государственной думе по импичменту президенту России.

За признание Ельцина виновным в подписании Беловежских соглашений голосовали 240 депутатов, против – 72, недействительными признано 7 бюллетеней.

Виновным в трагических событиях осени 1993 года Ельцина признали 263 депутата, против – 60 депутатов.

За обвинение в развязывании войны в Чечне проголосовали 283 депутата, против – 43.

В развале армии 241 депутат – за, 77 – против.

В геноциде народа президента обвинили 238 депутатов, против – 88.

Но еще более ошеломительно то, что ни по одному из пяти пунктов обвинения против Бориса Николаевича Ельцина необходимого количества голосов так и не удалось набрать.

Воистину, вот она, ельцинская арифметика демократической конституции.

Зато вчера Государственная дума утвердила кандидатуру Сергея Вадимовича Степашина, ставшего за последние девять лет седьмым премьер-министром нашей страны.

20 мая 1999 года, Санкт-Петербург

МОЛИТВА

Помню, несколько лет назад слушал я рассказ отца Геннадия Беловолова о поездке в Сербию...

Сжимая в руках сербский крест, он рассказывал, как сербы целуют свечи, рассказывал про двух подружек, что решили посестриться, еще он сказал, что сербы говорят, дескать, их с русскими – 100 миллионов.

И так православно, так восторженно рассказывал отец Геннадий, что столько времени прошло, а рассказы эти остались в памяти. И сейчас, слушая сообщения дикторов о бомбардировках Сербии, вспоминаю, как сжимал он тонкими пальцами тяжелый сербский крест, этот крест нашего общего православия...

«Господи! – всем залом читали мы молитву перед этим крестом. – Спаси и помилуй людей русских, грешных и заблудших, оскверненных и разделенных сборищем сатанинским, заполнившим землю русскую силами тьмы и зла, тщасьимися

изжить нас и Церковь Православную с Родной земли – Святой Руси. Прости, Господи, прегрешения и грехопадения наша, утверди на пути покаяния, спасения в Церкви Православной, настави творить волю Твою на путях земных и не оставь Твоею Благодатию. Даруй державе нашей ограду внешнюю – Государя православного, Церкви Православной благоустроение и пастырей добрых на восстание Святой Руси во Славу Господа нашего Иисуса Христа. Да будет свято Имя Его на Русской земле во веки веков. Аминь».

И с такой надеждой, с таким воодушевлением звучали голоса, как будто не только мы молились, но и сербы.

И долго еще потом, тепло и молитвенно, жила память о том вечере, но вот и исполнился срок...

Теперь американцы бомбят Сербию. Воистину: беда пришла – открывай ворота.

И жалко Сербию, и какое-то отчаяние охватывает, когда слышишь, что не молебны служат там, не крестные ходы собирают, а рок-концерты устраивают...

И тут еще сообщение из Белоруссии.

После тамошнего концерта рок-музыки начался дождь. В подземном переходе задавили нескольких девушек...

Хоронили их в белых подвенечных платьях.

Темное солнце стояло над Троицким собором...

Что это? И если это Знак, то для кого? Для Сербии? Для России? Для Белоруссии?

Или для всех православных людей?

2 июня 1999 года, Санкт-Петербург

ПУТАНИЦА

Вестибюле пришлось остановиться. В распахнутые двери втекали толпой бизнесмены в кашемировых пиджаках.

Одинаковые галстуки, одинаковые стрижки...

Лица тоже одинаковые.

В движениях – сила и уверенность.

– Я чего улыбаюсь... – сказала вахтерша, когда кашемировые прошли. – У них, у бизнесменов этих, лица одинаковые. Вы не обращали внимания?

– Вы еще на охранников посмотрите, – сказал я. – Там и вообще не отличить одного от другого!

– А я и между собой их путаю! – виновато призналась вахтерша. – Пока рядом с охранником вижу банкира, еще различаю, а если по отдельности – ни за что не скажу, который охранник, а который банкир. Такая вот в голове у меня путаница.

– Ага, – сказал я. – Если бы только у вас эта путаница была...

10 июня 1999 года, Санкт-Петербург

15 ИЮНЯ

Вчера с утра стояла невыносимая жара, и какое может быть настроение в такую жару в городе? Ничто не радовало...

Ни кстати пришедший из журнала перевод, ни газеты, вышедшие вчера с моими рассказами и завершением очерка о Пушкине...

Весь день мучился и только после шести часов сел за стол и начал составлять план книги об основателях династии Романовых...

И вот уже ближе к полуночи из жаркой духоты сама выплыла картина, как просыпается в своей келье инок Григорий Отрепьев и в голове жарко от страшной и дикой мысли: «А не царевич ли Дмитрий он?» – сцена, которая может стать первой в будущей книге, нервом всего повествования.

А сегодня утром, когда молились, узнал из церковного календаря, что сегодня празднование перенесения мощей благоверного царевича Дмитрия из Углича в Москву в 1606 году...

По церковному счету вчера в шесть часов вечера и началось это празднование...

16 июня 1999 года, Санкт-Петербург

ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ

Сприключениями – в Белоострове пришлось пересаживаться! – добрались до Комарово.

Там солнце, ветер и шум сосен.

По радио рассказывают, что в Россию навсегда возвратился автор «Зияющих высот» Александр Александрович Зиновьев.

– Мне многие говорят, зачем ты едешь, там сейчас плохо, трудно, ты не представляешь даже как. Знаю, что плохо, может, и не представляю насколько. Но именно потому, что плохо, я и возвращаюсь... – сказал он, объясняя причины своего возвращения. – Я никогда бы не вернулся, если бы в России было хорошо – хорошо в их западном духе...

30 июня 1999 года, Комарово

УСМИРИТЕЛЬ ПИРАТОВ

Утром доделывал очерк «Усмиритель пиратов» о преподобном Адриане Андрусовском, но закончить не успел – приехал Николай Шадрунов со своими приятелями.

Оказывается, приятели Шадрунова решили снять телевизионный фильм о писателях «Накануне конца света».

Сам Николай выступает в фильме ведущим и, как ни странно, довольно уверенно держится в этой роли.

Долго снимали меня на веранде, потом пошли к Валерию Попову.

Пока снимали там, я успел закончить очерк «Усмиритель пиратов».

Нажарили на костре сарделек, поели и отправились в Питер.

Заезжали в Песочную на источник Серафима Саровского.

1 августа 1999 года, Комарово

ОДНА НЕБОЛЬШАЯ ВОЙНА

Комарово.

Грустный и чуть-чуть пустынный воздух летнего дня.

Закончил повесть о Приднестровье «Одна небольшая война».

Работа над нею – случайно ли? – совпала с какими-то тревожными сообщениями из Дагестана.

Такой грустный и чуть-чуть пустынный, как перед настоящей войной, воздух летнего дня.

6 августа 1999 года, Комарово

ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
День памяти митрополита Вениамина...

Ходили с Мариной в храм Новомучеников российских, а потом – на символическую могилу митрополита Вениамина на Никольском кладбище.

Там экскурсия.

Все стоят у черного мраморного креста и слушают, как экскурсовод читает мою книгу о митрополите Вениамине.

13 августа 1999 года, Санкт-Петербург

КАЧКА

Когда выбрались из приозерских шхер, заходили волны по Ладоге...

Ветер срывал верхушки с них и брызгами швырял в лица пассажиров, толпящихся на палубе. Несколько капелек ладожской воды упало на лежащую на моих коленях книгу святителя Игнатия (Брянчанинова), где тоже описывался шторм на Ладоге.

Я закрыл книгу.

Странно перепутывалось описание шторма, разразившегося в прошлом столетии, с тем, что происходило сейчас...

Все пространство покрылось белыми гребешками волн. Вдалеке они весело играли на солнце, но, приближаясь к нашему теплоходу, темнели, набухая силою, обрушивались на судно, и нас переваливало с борта на борт. И чем дальше от берега, тем круче волна.

– Ничего! – словно ободряя меня, проговорил стоявший рядом монашек. – Наш «Дамаскин» качку хорошо держит!

«Игумен Дамаскин» – это не только название судна, на котором и застал нас шторм. Это еще, может

быть, самый, если, конечно, не считать преподобных Сергия и Германа, известный настоятель Валаамского Спасо-Преображенского монастыря!

Крестьянский сын, только в монастыре обучившийся грамоте, Дамаскин был извлечен из молитвенного уединения архимандритом Игнатием (Брянчаниновым), приехавшим на Валаам разбирать возникшую здесь смуту.

На протяжении всего одного месяца Дамаскина посвятили вначале в иеродиаконы, потом в иеромонахи и, наконец, в игумены, а настоятельское служение его длилось сорок два года, и много штормов и непогод пришлось пережить Дамаскину, уверенно проводя сквозь них монастырский корабль.

Это при игумене Дамаскине стал Валаамский монастырь таким, каким мы его знаем теперь...

Так что нелепым было и само опасение, будто «Игумен Дамаскин» не выдержит нынешнего небольшого волнения на озере.

Действительно, скоро, едва только начало темнеть, мы увидели Валаам.

Долго шли к нему, наблюдая, как все ярче разгораются огоньки монастырских маяков-скитов. Уже в полной темноте, обогнув Никольский скит, вошли в монастырскую бухту, где сразу стихло волнение воды...

«Как легкое бремя на плечах гиганта» – это цитата из книги Игнатия (Брянчанинова) – возвышался вверх на скале монастырь...

15 августа 1999 года, Валаам

ПОСЛУШНИК АЛЕКСАНДР

Наверное, самые тяжелые эти предпраздничные дни для послушника Александра. Монастырская гостиница переполнена – забыты уже и десятиместные номера, и чердак! – а народ продолжает прибывать.

И у всех – благословение.

У всех – какие-то бумажки с правом на размещение.

Ругаться не ругаются, кричать не кричат, но недовольство паломники не скрывают...

Ну, а послушнику Александру раздражаться не положено, у него один ответ: «К отцу Гурию, пожалуйста. Как благословит...»

Отец Гурий – монастырский гостинник. Всеми вопросами размещения в монастыре ведает, решает, где и кого разместить...

Разумеется, в соответствии с благословением игумена.

Разумеется, в соответствии с положением прибывшего.

Но сейчас, накануне праздника, забито в монастырь всё, и отец Гурий благословляет пос-

лушника Александра размещать вновь прибывших куда-нибудь. Мест-то все равно уже нигде нет...

– Куда же размещать вас? – спрашивает послушник Александр. – Ведь ни одного места свободного не осталось.

Он осеняет себя крестным знаменем и говорит:

– Пойдем... Поглядим...

Нет, свободных мест не появилось за эти минуты. Но выясняется, что не заняты койки паломников, уехавших на Святой остров. Из-за непогоды уже не вернутся они сегодня, корабль пустой пришел, не смог подойти к острову... Чего же койкам пустовать? И вот, хотя и нет свободных мест, но – воистину чудом Господним! – устраивается на ночлег и наша группа.

И так у послушника Александра – каждый день.

В обычной гостинице дежурная отработает смену и на отдых.

А послушник Александр и вчера – в гостинице, и сегодня, и завтра. До тех пор, пока не кончится послушание...

И ни раздражения в Александре, ни угрюмости. Спокоен... Приветлив...

А вообще он фотограф.

Показывал толстые альбомы своих снимков. Снимки интересные. А особенно интересно то, что многие монастырские здания и пейзажи сняты с одной точки, но в разное время дня и года. И когда они размещены рядом, словно бы время течет по страницам альбома.

Белое поле покрытого снегом замерзшего озера...

Белый заснеженный остров...

Белое здание скита и Никольского храма с искоркой золотой маковки...

А вот этот же скит, только на заржавевшем, скалистом берегу осени...

А вот фотографии самого монастыря...

Сбросив тесноту зелени, деревья как бы пропускают к озеру здания...

А как хорош монастырь весной, когда дымкой распустившихся почек еще не погашено золотистое сияние скал, высоко вверху, прямо посреди неба, белые стены, и из них – голубой в голубое небо – шпиль колокольни!

Еще несколько альбомов заполнено фотографиями монахов. Многие сфотографированы не раз и не два. Лица повторяются, путаются между собою.

– Это тот монах, которого мы в том альбоме на скиту видели?

– Нет... Это батюшка... Приезжал на Валаам...

– Как похожи лица!

– Похожи... – говорит Александр и неожиданно добавляет, что есть замены. Занимаясь фотографией, он уже давно заметил это. Уходит какой-нибудь батюшка из земной жизни, и очень скоро совершенно случайно встречаешь другого, точно с таким же лицом, с такими же глазами, с такой же улыбкой...

– Что это?

Мы молчим, просто перелистываем страницы альбома, по которому, подобно воде, в блескучем целлофане конвертов течет время...

А гостинник Александр и не ждет ответа.

Осенья себя крестным знаменем, идет открывать ворота. Снова кто-то прибыл из паломников, снова надо – без молитвы тут никак не обойтись! – куда пристраивать его...

16 августа 1999 года, Валаам

УСТАНОВКИ РАБОТАЮТ

Ав Дагестане настоящая война.

Чеченские боевики захватывают села в Ботлихском районе. Под контролем ваххабитов находятся уже десятки сел.

Гибнут люди, вертолеты.

Вчера Государственная дума с первого захода утвердила Владимира Владимировича Путина главой правительства Российской Федерации, а уже сегодня в Ботлихском районе Дагестана началась штурмовая операция по освобождению сел, захваченных боевиками.

Бомбежки и артобстрелы позиций ваххабитов не прекращаются ни на минуту.

Как сказали по телевизору: «Работают все установки залпового огня».

Все или не все, дело десятое.

Главное, что установки правильные начали работать.

16 августа 1999 года, Санкт-Петербург

НЕУСЫПАЕМАЯ ПСАЛТИРЬ

– Ничего не понимаю... – сказал один из наших спутников. – Я в лесу работаю и деревья, и травы лесные по запаху узнаю. Но тут ветерком тянет, и ничего понять невозможно, так благостно пахнет...

– Это, может, и не дерево... – ответил сопровождавший нас монах.

– А что же?

– Это скит Всех Святых впереди!

– Ну и что?

– Ничего... Просто там Неусыпаемую псалтирь читают...

18 августа 1999 года, Валаам

ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ

Долги монастырские службы... Особенно тяжелыми кажутся они, пока не сойдет с тебя городская суета.

Но проходит несколько дней, отодвигаются заботы, незаметно втягиваешься, и уже не тягость, а легкость приходит во время служб...

Сегодня – Преображение Господне – и всеночная особенно долга. А утром – литургия!

Заполнен храм. Горят свечи. Звучат молитвы.

Вокруг монахи и миряне, мужчины и женщины, молодые и старые. Все разные и все одинаковые. Все – православные. И все ждут причастия Святых Таин.

Начинается литургия.

– Вонмем! – звучит голос священника.

И выходит дьякон, и начинает читать «Первое соборное послание апостола Петра»...

«О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явлении Иисуса Христа, Которого не видели любите, и Которого доселе не вида, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконец верою вашу спасения душ...»

Звучат вечные слова, и кажется, что не два тысячелетия назад написаны они, а сегодня или вчера, и не к кому-то вообще адресованы, а именно к тебе, стоящему в храме.

И еще понимаешь, что именно сейчас и узнаешь самую главную новость.

А что там говорят по телевизору, кого еще назначили или сняли – все это пустое. Все равно главнее и важнее того, что сказано в послании апостола Петра, мы не узнаем...

19 августа 1999 года, Валаам

МОНАСТЫРСКИЕ КОТЫ

Котов в монастыре много, и все – разные.

И все похожи...

Особенно много котов в самом монастыре. Так их не видно, но в нужное время все они подтягиваются к трапезным. Каждый – к своей, кому куда положено.

Главный тут – кот Моня.

– Настоящий монах! – хвалит его отец Савватий. – Без трапезы никогда не уйдет.

А вот на Никольском скиту кот по рыболовной части промышляет. Если увидит кого на мостках, сразу туда, и пока не получит «налог», не отстанет от рыбака...

А в больнице Ляпкиным-Тяпкиным кота прозвали.

– Почему?

– А как у Гоголя... Он порядок любил, вот и прозвали Ляпкиным-Тяпкиным!

– И откликался?

– А как же... Подать сюда, скажешь, Ляпкина-Тяпкина, а он уже сразу тут. Мяукает... Да так строго, требовательно. Чего, дескать, звали? Чего порядок нарушаете?

Ну, а самый монастырский кот – на ферме.

Он и церковную службу, кажется, изучил. Как только Крестный ход собирается, кот уже обязательно тут.

Вперед вышагивает...

19 августа 1999 года, Валаам

ВАЛААМСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ

Своенравное озеро окружает монастырские острова, и многие истории и предания связаны тут с чудесными избавлениями от потоплений.

Шли ранней весной олонцекие крестьяне в монастырь. Но тут поднялся ветер, взломал лед. Трое суток носило олончан на льдине по озеру, не чаяли и живыми остаться, как вдруг возникли два светозарных старца.

– Не бойтесь! – объявили они. – Не погибнете вы в озерной пучине. Но, прибыв в монастырь, закажите, чтобы совершили молебен перед иконой Смоленской Божией Матери, что стоит в чернорабочей избе.

– Кто вы, святые отче? – пав на колени, спросили паломники.

– Мы валаамские старцы, Сергей и Герман! – был ответ. – Уповайте на Бога и не страшитесь.

Очнувшись, крестьяне увидели, что льдину прибило к подножью скалы, на вершине которой стоит монастырь. Паломники пошли в избу, где жили трудники, и нашли там образ Смоленской Божией Матери. Перед ним и был совершен благодарственный молебен.

Сколько уже веков этому преданию?

Но вот приехали мы, поселились в Никольском скиту и на следующий день услышали историю о чудесном спасении, совершившемся два дня назад, как раз в тот шторм, в который попали и мы.

Дело было так...

Третий день горело погодой озеро. Рыба засыпала в сети, и скитоначальник, отец Антипа, решил выйти в озеро, чтобы не пришлось выбрасывать улов из сети.

Вдвоем с трудником пошли.

«Кошкой» подняли сеть, но не рассчитали, швырнуло волной в сторону. Пока возились, выравнивая лодку, намотало веревку на винт.

Уже и не рады были, что выехали...

Бог с ней, с рыбой, не жалко и сетку загубить, лишь бы самим живыми остаться! Решили веревку

перерезать, да и нож в воду упал... Попробовали назад грести, да куда там! Весла вспахивают волны, а лодка на месте стоит, волны ее захлестывают...

Вдвоем на веслах сидят, гребут что силы есть.

– Святителю Николае! – взывают. – Помогите нам, грешным!

– И вдруг... – рассказывал трудник, поведавший эту историю, – будто дернули нас. Будто на веревке кто к скиту подтянул. А это знаете что было?

– Что? – спросил я.

– Мы потом уже узнали... Оказывается, пришли братья с монастыря и акафист святителю Николаю в нашем храме читали! Вот тогда и подтянуло нас будто на веревке к острову.

– Да, – признался и отец Антипа, когда я спросил про эту историю. – Был такой случай. Не думали и живыми остаться. Слава Богу, отец Гурий пришел акафист с молебном святителю Николаю отслужить в нашей церкви. Вот и услышал нас Николай Чудотворец.

И отец Антипа перекрестился.

Перекрестился и я.

– Угодниче Божий, святителю Николае Чудотворче, моли Бога за мя грешного, – прошептал привычные слова, но как-то иначе звучали они здесь, в Никольском скиту.

Больше надежды было, что услышана будет молитва.

Совсем рядом святитель Николай был...

20 августа 1999 года, Валаам

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ НИКОЛЬСКОГО СКИТА

Пока не построен был при игумене Дамаскине Никольский храм, остров назывался Крестовым. На вершине его была воздвигнута каменная часовня во имя святителя Николая, окна которой смотрят на все четыре стороны света. В темные ночи возжигали здесь огонь, и лучи крестом расходились во все стороны, указывая путь судоводителям.

Храм построили иждивением купца Николая Назаровича Солодовникова в 1853 году, а через пять лет и двухэтажный дом с домовою церковью, освященной во имя преподобного Иоанна Дамаскина.

Но все это – далекая история...

А новая история повествует о вселении в скитский корпус умалишенных.

Потом здесь были квартиры.

В церкви Иоанна Дамаскина тоже жили, на месте алтаря стояла кровать.

Когда на островах возродилась монастырская жизнь, начали расселять и скитский (архиерейский) корпус на Никольском острове. С трудом выжили жильцов, занимавших домовую церковь. Сразу принялись расчищать потолок, и из-под слоев побелки

проступили грозные лики московских святителей. Было это как раз в день их памяти...

Сейчас церковь восстановлена.

Возобновлена и скитская жизнь.

Хотя одна квартира в «архиерейском» корпусе не расселена до сих пор. Там живет девяностолетний дедушка Андрей Афанасьевич. Бывший коммунист...

Однако с монахами он уживается, а монахи уживаются с ним.

– Свой огород Андрей Афанасьевич так возделывает, что и монахам поучиться можно! – говорит о соседе отец Антипа. Подумав, добавляет. – Одинокий он. Тоже, как монах, только без креста!

Андрей Афанасьевич как бы соединяет в себе новую – советскую! – историю скита с историей новейшей, повествующей уже о возрождении монастыря...

И если подумать, то фигура его весьма символична.

Сколько таких «монахов без креста» перебирается из советского времени в наши дни!

И одна надежда, что креста, на котором высечены слова: «Крест водрузился на земли и коснулся небеси не яко древу досягну высоту...» – достанет и на этих андреев афанасьевичей.

21 августа 1999 года, Валаам

ОТЕЦ ПАНКРАТИЙ

Когда мы увидели его в скиту Всех Святых, то – в черной вязаной кофте – как-то не сразу и признали его – такой тихий, задушевный был, как будто старец со старинной фотографии...

А сегодня игумен принял нас в своем рабочем кабинете...

Когда мы вошли, он сидел с телефонной трубкой в руке, а другую трубку прижимал плечом к уху. Светился экран компьютера.

И пока длилась беседа, звонили телефоны, игумену приходилось выслушивать объяснения, отдавать распоряжения.

– Наши монастыри открыты миру, – говорит, возвращаясь к беседе с нами, отец Панкратий. – А ведь чтобы служить миру, надо прежде уйти от него, в пустыни обрести себя! Но как уйти от мира в наших монастырях, которые сейчас приходится восстанавливать всем миром!

И он объясняет, что монашество в России можно возродить, лишь заимствуя опыт афонских монахов. У нас – увьи! – прервана монашеская традиция. Четыре мужских монастыря просто не могли сохранить ее, они и не монастырями были, а доказательствами того, что в СССР тоже есть монастыри...

– Однако, – говорит отец Панкратий, – для уныния

нет причин. Конечно, тяжело! Но Господь утешает, дает силы исполнить послушание...

И как тут не вспомнить, что и в восемнадцатом веке после жестоких гонений, воздвигнутых на Православную церковь, возрождение порушенных монашеских традиций тоже начиналось со Святой горы.

Иноки, положившие начало возрождению старчества в России, были афонскими монахами.

Афонские монастыри отец Панкратий знает не понаслышке. Он не раз бывал на Святой горе...

– Там тоже, как и у нас, проблема с туристами... Конечно, туристы – это большие деньги. Но это и неприятности. Особенно у нас. У нас многим влиятельным людям хочется наживаться на Валааме, даже не подпуская монастырь к доходам. Но есть и другая проблема, о которой мы уже говорили. Из-за столь сильного наплыва туристов невозможно уйти от мира... Мир сам ломится в монастырские ворота!

– Как же тогда удастся возродить на Валааме монашескую жизнь?

– Если какой монастырь и предопределен для возрождения монашеской жизни, то это прежде всего Валаам. Слава Богу, на Валааме есть скиты. Туда не пройти туристам, там хранится молчание и уединение... Скитами спасается монастырь.

Отец Панкратий говорит, что в скитах возрождается благодать и Собор святых поддерживает новых насельников Валаама...

Еще он рассказал о Дамаскине...

– Кто-то и сейчас всегда молится на его могиле. Да-да... Дамаскин и сейчас очень нужен Валааму!

Вот такой разговор...

Частью о старчестве, частью о хозяйстве, частью об истории... Но мог ли быть наш разговор другим?

Валаам еще огромная территория. Огромное хозяйство. Целый клубок социально-экономических проблем. Сейчас в монастыре, считая с подворьями, двадцать иеромонахов. Всего насельников – 120 человек.

А еще местные жители...

Самое страшное, что и сейчас еще на Валааме пытаются строить частное жилье. Поскольку никакого генерального плана не существует, Сортавала пытается ввести особые условия. Так сказать, в порядке исключения разрешить местным жителям строить частные дома...

– А что местные жители могут построить? Только сарай. Так что понятно, кто будет строиться под видом местных жителей на Валааме. Новые русские.

А еще – туристы. Это тоже целая проблема...

Вернее, целый букет проблем...

А еще мы, писатели-паломники, которых надо

отправлять назад, на материк. Об этом архимандрит Панкратий говорит с капитаном судна по телефону...

А еще из Приозерска нам на чем-то надо ехать... Судно придет туда, когда электрички уже уйдут все, как будет добраться до Петербурга?

Прижимая плечом телефонную трубку, отец Панкратий нажимает на клавиши компьютера, сверяясь с расписанием...

Снова говорит с капитаном, потом набирает другой номер...

Снова спрашивает, снова объясняет, что нет теперь ночных электричек, снова говорит о нас, а сам время от времени заглядывает в лежащее на столе раскрытое Евангелие...

22 августа 1999 года, Валаам

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И снова поднимаемся мы на борт монастырского судна. Только теперь это уже не «Игумен Дамаскин», а буксир «Святитель Николай».

Отходим от берега.

Высоко сверху проплывает монастырь с тонущим в голубой высоте куполом собора. Сам собор зарос темными строительными лесами...

И снова открываю я машинописную книгу святителя Игнатия (Брянчанинова), и снова – точь-в-точь! – как в книге: «раздался величественный звон колоколов монастырских, и вторили ему с разных сторон ущелья каменных гор многоголым эхом».

И уже не понять, то ли книга святителя вбирает в себя окружающий мир, то ли все звуки с легким дыханием ветерка – из этой книги...

«Скоро мы достигли противоположного берега, оттуда я оглянулся на Валаам, он представился мне, на своих обширных бесконечных водах, как бы планета на лазуревом небе...»

Этими словами кончается книга Игнатия (Брянчанинова).

Не скрою, когда мы подходили к приозерским шхерам, я тоже оглянулся, желая увидеть Валаам как «планету на лазуревом небе», но – увы! – ничего похожего не разглядел. Не различить было с моим зрением никаких островов позади...

Впрочем, что же грешить на зрение?

Может, только святительскими очами, которыми сумел рассмотреть Игнатий (Брянчанинов) в монахе-отшельнике будущего великого игумена Дамаскина, и различается Валаам планетой на лазуревом небе Божией любви?

23 августа 1999 года, Санкт-Петербург

ЮБИЛЕЙ

Вот и исполнилось пятьдесят лет.

Всегда казалось, что не дожить до этого юбилея – слишком далеко, слишком долго...

Но как-то так убыстрилось время, что пришел и этот день.

Хороший, теплый, августовский...

Никого не собирали, но поскольку должно было приехать телевидение, чтобы снять информационный сюжет, пришли отец Валерий Швецов, Сергей Алипов и Виктор Кречетов.

Они и изображали гостей, пока шла съемка.

Потом телевизионщики уехали, и тут-то и началось – соседи нас заливать стали.

Бегал вниз за телеграммами, отвечал на телефонные звонки, пил водку, попевая выслушивать какие-то тосты, и все время отчерпывали вместе с отцом Валерием и Сергеем Алиповым льющуюся воду.

Такой вот юбилей, который, казалось, никогда не наступит.

25 августа 1999 года, Санкт-Петербург

Глава седьмая

ПРОЩАНИЕ С УХОДЯЩИМ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕМ

ЗЛАЯ ЭНЕРГИЯ ОТРИЦАНИЯ

Против Ельцина сейчас, кажется, все. Коммунисты и монархисты, демократы и православные...

С Ельциным – тот, кто наживался на горе народа. Вернее, и не сами эти люди, а их страх потерять награбленное, страх ответственности за содеянное.

Страх этот пускает метастазы в предстоящую нам жизнь, и масштабы произошедшей катастрофы определяют, если даст бог, только наши внуки.

И все-таки о причинах ее можно и нужно говорить уже сейчас.

Бессмысленно винить Ельцина или Горбачева.

И тот, и другой лишь материализовали в себе злую энергию нашего недоброжелательства друг к другу, нашего заспанного, похмельного равнодушия к собственному Отечеству.

Увы...

Не ЦРУ, не масонско-сионистские организации привели Ельцина к власти, а наше злорадно-мстительное отношение к прежней, закаменевшей в тисках мертвой идеологии власти. Это она, наша злая энергия отрицания, и является главной причиной произошедшей катастрофы.

Но, как известно, нет худа без добра.

Может быть, для того и попущено Господом нашествие врагов России в Московский Кремль, чтобы осознали мы, что энергия отрицания власти, какой бы эта власть ни была, не способна привести ни к чему доброму.

Необходима энергия утверждения!

Минувшее десятилетие ясно показало каждому, что никакое эгоистическое хитроумие не способно спасти от разрушения ни отдельного человека, ни группу людей, если рушатся сами основы национальной жизни...

12 сентября 1999 года, Санкт-Петербург

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Все эти недели – бои в Дагестане и взрывы домов по всей стране.

4 сентября в жилом квартале Буйнакска взорвали грузовик, нагруженный взрывчаткой. Полностью разрушен пятиэтажный жилой дом. 52 человека – в основном женщины и дети! – погибли.

9 сентября взорвали жилое здание в Москве на улице Гурьянова. 95 человек погибли.

13 сентября взорвано жилое восьмиэтажное здание в Москве на Каширском шоссе. 121 человек погиб.

16 сентября взорван жилой дом в Волгодонске Ростовской области. Погибли 18 человек.

Под грохот этих взрывов и начал писать в Комарово повесть про валаамского игумена Дамаскина.

Конечно, очень страшно все то, что происходит сейчас.

Но вместе с тем есть и нечто обнадеживающее.

Еще 11 сентября Аслан Масхадов обратился с личным посланием к Александру Ивановичу Лебедю с просьбой вновь встретиться в Хасавюрте, дабы «предотвратить очередную масштабную войну». Но оказалось, что рассчитывать тут господину Масхадову не на что. 15 сентября, выступая перед депутатами Государственной думы, Владимир Владимирович Путин сказал, что надо «переоценить» и «беспристрастно проанализировать» Хасавюртовские мирные соглашения с Чечней.

И это – гарантия, что наконец-то и войну удастся выиграть, и взрывы домов прекратить.

Сидел на веранде и писал письмо архимандриту Панкратию «Взгляд на историю Валаамского монастыря».

Существует предание, что Валаамские острова посетил еще апостол Андрей Первозванный, есть упоминание, что преподобный Авраамий Ростовский отправился крестить язычников Ростовской земли – это было во времена равноапостольного князя Владимира! – из Валаамского монастыря...

Однако новгородские летописцы, руководствуясь церковной целесообразностью, решили вписать Валаам в единую историю крещения Руси и омолодили Валаамский монастырь, сдвинув его основание на XIII-XIV век.

Эту историческую несправедливость остро чувствовал игумен Дамаскин, и стремление исправить ее и давало ему силы для той гигантской созидательной деятельности, которую и видим мы сейчас на островах...

Такое красивое и холодное, как сама русская история, утро...

19 сентября 1999 года, Комарово

РАЗОРВАТЬ ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ!

Ездил в Кронштадт на «Общественные слушания» по вопросу переноса памятника Владимиру Ильичу Ленину.

Памятник этот установили 6 ноября 1955 года на месте алтаря Андреевского собора, чтобы уничтожить саму память о месте, где совершал молитву Всероссийский батюшка. И действительно, когда на месте храма встал Ленин, даже и название Андреевского сквера забыли. Сквер стал называться Ленинским.

Понятно, что Ленин, попирающий алтарь, возле

которого молился великий русский святой, – это не просто памятник историческому деятелю, а зло, продолжающее сеять в мире ненависть и вражду...

Но, глядя на лица ветеранов, пришедших защищать не столько памятник, сколько великие и чистые идеалы, под знаком которых прошла их жизнь, трудно было повторять следом за предыдущими ораторами проклятия вождю пролетариата, придумывать байки про какой-то маслопровод, в связи с заглупкой которого якобы нужно демонтировать памятник.

Я в своем выступлении предложил перенести Ленина, сказал, что это, как это ни парадоксально, станет гораздо более сокрушительным для темных сил деянием, нежели простое разрушение или осквернение его. Передвигая памятник, мы, не покушаясь на советскую историю, сокрушим саму темную энергию злобы и разрушения, которую пытаются вызвать и вызывают в нашей стране силы ада! В любом другом месте памятник утратит свое сакральное значение, превратится лишь в знак хотя и невеликой, но ушедшей в историю советской жизни.

И тогда, может быть, и разомкнется заколдованный круг нашей истории!

Слова мои вызвали неодобрительный шум в зале, и – странно! – более возмущались ими не ветераны, а православные активисты.

– Мы против! – громогласно заявила поднявшаяся из зала женщина с крестом.

Увы... Не так-то просто разорвать заколдованный круг!

22 сентября 1999 года, Кронштадт

СМЕРТЬ ФРОНТОВИКА

Вчера в телевизоре хоронили незабвенную Раису Максимовну Горбачеву.

Кого только не было на ее похоронах.

И – как-никак супругу лучшего немца хоронили! – бывший канцлер ФРГ Гельмут Коль приехал, и экс-министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер, и супруга германского канцлера Дорис Шредер...

Непонятно, правда, чего там лидеры Белоруссии Александр Иванович Лукашенко и Сергей Степанович Линг делали, но они тоже явились.

А мы сегодня хоронили писателя Ивана Ивановича Виноградова...

Прощались с ним в крематории у закрытого черного гроба. Что-то говорил распорядитель голосом, словно пропавшим трупами.

Я слушал, как рядом со мною вполголоса разговаривают о самоубийстве Ивана Ивановича, и вспоминал, что я знаю о нем.

Он был фронтовиком и фронтовиком и оставался до конца своей жизни.

Мне приходилось видеть его в разных ситуациях,

но я не помню, чтобы Иван Иванович юлил и изворачивался. Даже когда оказывалось, что он не прав, он говорил об этом прямо, независимо от того, чего ему стоило это признание.

Еще я вспомнил, как звучал его голос из телефонной трубки, когда в декабре 1982 года, улетаю в Красноярск, я позвонил, чтобы узнать, как прошло заседание Приемной комиссии, на котором меня принимали в Союз писателей.

Этот голос звучал и другим молодым писателям почти двадцать лет.

Теперь он смолк.

После кремации были поминки в газете «На страже Родины».

Выпивший подполковник рассказал, что Ивану Ивановичу был прописан морфий, но морфий – слишком ценный материал, чтобы раздавать его бесплатно... Морфий, выписанный Ивану Ивановичу, достался тому, кто смог заплатить за него.

Неимущему защитнику Родины Ивану Ивановичу Виноградову осталась бесплатная пуля из пистолета, который он привез с войны.

24 сентября 1999 года, Санкт-Петербург

Х *ВОЙСКОВАЯ ОПЕРАЦИЯ «ПРЕЕМНИК»* Хроника этой осени...

28 августа началась «военно-милицейская операция по разоружению боевиков в селениях Карамахи и Чабанмахи (Дагестан). Район был блокирован силами спецподразделений внутренних войск МВД России и дагестанской милиции. Беженцев выпускали из сел по специальному коридору.

31 августа в селениях Карамахи и Чабанмахи началась ликвидация отказавшихся разоружиться боевиков.

6 сентября боевики захватили райцентр Новолакское. Дагестанские ополченцы удерживают Хасавюрт. Затяжные бои идут вдоль всей границы с Чечней.

11 сентября начались бомбардировки Шелковского и Ножай-Юртовского районов Чечни.

19 сентября на территорию Республики Ингушетия вошли федеральные войска. Три батальона внутренних войск прикрыли участок административной границы с Чечней на территории Сунженского района.

23 сентября российские федеральные силы нанесли ракетно-бомбовый удар по аэродрому «Шейх Мансур» на северной окраине Грозного.

29 сентября федеральные войска перешли границу с Чечней, заняли на ее территории господствующие высоты и изготовились к проведению наземной операции против вооруженных бандформирований.

Председатель правительства России Владимир

Владимирович Путин сказал, что «у нас государственной границы с Чечней нет. Это территория Российской Федерации».

6 октября завершился первый этап войсковой спецоперации против незаконных бандитских формирований в Чечне. Федеральные войска вышли к реке Терек.

И хотя Аслан Масхадов и объявил в Чечне газават (священную войну), но Борис Николаевич Ельцин на этот раз не испугался. 11 октября он отважно выписался из Центральной клинической больницы и перешел в свою загородную резиденцию «Горки-9»...

14 октября 1999 года, Санкт-Петербург

ПОДАРКИ

Все-таки Галина Дюмонд, хотя я и упирался, провела вчера в Союзе журналистов вечер, посвященный моему 50-летию.

Вечер, можно сказать, почти триумфально прошел.

И пьянка – ее мы в Союзе писателей проводили! – тоже прошла неплохо.

Слов хороших наговорили, подарков надарили...

Уже сегодня узнал, что премьер-министр Владимир Владимирович Путин объявил в Моздоке о начале второго этапа операции.

Наши войска двинулись в глубь Чечни.

Может быть, и нехорошо воспринимать так войну, но эта решительность нынешней власти после либерально-бабьих причитаний и лебединых предательств тоже воспринимается как подарок.

21 октября 1999 года, Санкт-Петербург

ЧУДИЩЕ ОБЛО, ОЗОРНО, ОГРОМНО, СТОЗЕВНО И ЛАЯИ

Если мы заглянем в энциклопедию, то сможем прочитать, что язык – это знаковая система, выполняющая познавательную и коммуникативную функции в процессе человеческой деятельности.

Однако если мы прислушаемся к тому, как говорят сейчас политики демократы, голосами которых заполнен эфир, то увидим, что процитированное нами определение не подходит для них.

Еще менее пригодно тут возникающее при чтении протопла Аввакума и Александра Пушкина, Николая Лескова и Михаила Шолохова представление о русском языке как о светоносном храме, созданном православным народом за тысячелетие его истории.

Увы... За косным словоблудием Михаила Горбачева мы не успели различить надвигающейся опасности, когда усердно внедряемые средства

ми массовой информации мутным потоком хлынули в сознание русского человека иноязычные слова. Даже на сами буквы русского языка началось наступление – латиница быстро потеснила их на городских вывесках.

Цель этой интервенции заключалась в подавлении, деморализации национального сознания, в стремлении лишить россиян средства общения, возможности осмыслить происходящее.

Прикрытые лстыиво звучащими американизмами пороки скрывали свою отталкивающую сущность.

Кому понравилось бы, если бы его назвали вымогателем? Ну, а рэкетир звучало почти прилично. Кто захотел бы услышать про себя: продажная девка. Ну, а стать интердевочкой было даже престижно.

Новый язык, помогая культивировать разврат и насилие, вместе с тем целенаправленно освобождался от своих коммуникативных функций, из средства общения становился средством обмана всей страны.

И результат налицо!

Без всяких войн удалось отторгнуть от нашей страны гигантские территории, сокрушить могучую экономику. Не потребовалось никаких революций, чтобы со словом «ваучер» растаяла наша общая, общенародная собственность.

В темноте сарая, скрывшего от нас храм языка Гончарова и Тютчева, Бунина и Ремизова, Шергина и Писахова, стало возможно называть кровавую бойню в Москве – защитой конституционного порядка, проповедь церкви Мунна – уроками религиоведения, всеобщее обнищание русских людей и катастрофическое вымирание России – стабилизацией и реформами.

Предателей и изменников в этом языке стало модно называть гордостью России, невменяемых, явно нуждающихся в опеке врачей и правоохранительных органов реформаторов-экспериментаторов – союзом правых сил...

Они все вольготно чувствуют себя в грязных сумерках новояза.

С необыкновенной ловкостью меняют личины, уговаривая с экранов телевизоров выбрать их снова. И многое удается им в грязном синюшном свете телевизионных программ, забывают телезрители, что уже были эти говоруны у власти, уже обворовывали они народ.

Так неужели снова нужно выбирать их, чтобы снова спала пелена с глаз и за личинами и масками снова увидели мы чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяи...

12 ноября 1999 года, Санкт-Петербург

СЪЕЗД, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Съезд Союза писателей России.
В зал, где проходило заседание, не протолкнуться было. Во всех проходах – телекамеры, журналисты.

Все ждали скандала, ждали столкновения группировок на съезде, но скандала не случилось, никаких столкновений не произошло.

Выступила на съезде первый вице-премьер правительства Валентина Ивановна Матвиенко, выступили писатели Валерий Ганичев и Михаил Алексеев, Василий Белов и Валентин Распутин...

Все говорили о положении дел в культуре, о том, что Союз писателей необходимо сохранить как оплот культуры и духовности.

Постепенно телекамеры начали исчезать, к обеду разошлись и аккредитованные на съезде журналисты, и вечером напрасно ждали мы в «Новостях» картинок со съезда – ни оплот культуры и духовности, ни сами культура и духовность оказались не нужны.

Практически никаких сообщений о съезде писателей России не появилось и в газетах.

Словно и не было этого съезда.

16 ноября 1999 года, Москва

КОНТРАКТНИК

Возвращался в Санкт-Петербург больной, простуженный...

Сосед по купе признался, что в армию идет.

– Так вроде по возрасту вам уже поздновато?

– По контракту иду...

– Так там же убить могут!

– Ну и что?! Хоть за деньги убьют... А тут бесплатно сдохнешь...

18 ноября 1999 года, Санкт-Петербург

НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ГОНОРАР

Трудно написать книгу...

Еще труднее – напечатать ее...

Но самое трудное, конечно, получить деньги за свою работу.

В очередной раз убедился в этом, когда поехал в «Эксмо» получать деньги за свои тексты в калужинском «Рубцове».

Гонорар мне заплатили сразу.

– Пожалуйста... Вот здесь распишитесь...

Я склонился над выплатной ведомостью и увидел там поразившую меня цифру – 1 200 рублей...

– А почему так мало? – удивился я. – Мои тексты почти треть книги занимают!

– Какая треть?! У вас тут всего двадцать пять полос...

– Так это вы про кусок, который озаглавлен «На мглистый берег юности своей», говорите, а в кон-

це книги еще моя повесть «Путник на краю поля» напечатана...

– Да?! А мы как-то не обратили внимания на это... Что же делать-то? У нас весь гонорар расписан...

И так говорили, что понятно было – от меня ждут отказа от моих нелепых претензий.

Но я отказываться не стал.

В результате мне заплатили еще десять тысяч.

И как заплатили... Выдвинули из-под стола картонную коробку, заполненную деньгами, и прямо из нее и набрали ассигнаций на мой незапланированный гонорар.

С этим гонораром и отправился я на вокзал, чтобы ехать на пленум в Вологду.

8 декабря 1999 года, Москва

ВОЛОГОДСКИЙ СОБОР

Глеб Горбовский назвал Николая Рубцова долгожданным поэтом.

В какой-то мере эти слова применимы и ко всей вологодской школе, и, перефразируя их, можно сказать, что время от времени в огромном хоре русской литературы звучали голоса яркие, неповторимые. И все же – хотелось Николая Рубцова, хотелось Василия Белова.

Без этих книг могло наступить кислородное голодание.

В поэзии Рубцова, в сельских повестях Белова наша литература вернулась к стержневой теме древнерусской литературы – теме спасения человеком своей души; теме страданий человека, загубившего свою душу; теме поисков человеком подлинного Пути спасения...

Ярко и пронзительно зазвучала эта проблематика в «Привычном деле» Василия Белова, в таинственно-волшебной рубцовой лирике.

Страшной бедой обернулась для Ивана Африкановича попытка порвать связь с родиной, вырваться из родного северного пейзажа...

Только что мы видели его глазами «красную луну, катящуюся по еловым верхам над зимней дорогой», вместе с ним шли «по студеным от наста полям» и, переставая ощущать себя, сливались «со снегом и солнцем, с голубым, безнадежно далеким (выделено мною. – Н.К.) небом, со всеми запахами и звуками предвечной весны»...

Мы видели глазами Ивана Африкановича и «поребьячи заснувший осинник», и «зябкую речку». Щемящая и пронзительная красота северной природы наполняла душу Ивана Африкановича, и она светилась этой красотой...

Но вот беспутному Митьке, исполняющему в повести Василия Белова роль посланца враждебных миру красоты и сельского лада сил, удаётся соблаз-

нить Ивана Африкановича, сманить его на заработки, и, усевшись в поезд, оторвавшись от зябких осинников и щучьих заводей, как-то сразу и непоправимо превращается Иван Африканович в безбилетного гражданина Дрынова, несвязно объясняющего контролерам, что билеты и лук у Митьки, а сам Митька неизвестно где...

Иван Африканович не только созерцал, но и созидал своим трудом красоту. Гражданин Дрынов – это уже и не вполне человек, а некая среднестатистическая, безликая субстанция, способная лишь к самоуничтожению...

Поразительно зорко различал пути, ведущие к спасению и гибели, и лирический герой Николая Рубцова. Страшному, сопровождаемому грохотом и воем, лязганьем и свистом, пути, по которому движется «Поезд», противопоставлен путь «Старой дороги», где движение осуществляется – «Здесь русский дух в веках произошел, и ничего на ней не происходит» – как бы вне времени. Вернее, не вне времени, а одновременно с прошлым и будущим. Эта молитвенная одновременность событий обнаруживается и в стихотворении «Видения на холме», где разновременные глаголы соединяются в особое и по-особому организованное целое...

И как созвучно ощущениям «Старой дороги», «Ночи на родине» и других стихов Николая Рубцова звучат мысли вернувшегося после неудачного бегства Ивана Африкановича, когда останавливается он возле развороченного тракторными гусеницами родничка!

Этот родничок занимает особое место в жизни героя повести. Иван Африканович сам отыскал и расчистил его, возле родничка отдыхал он с Катериной, возвращающейся из больницы с новорожденным сыном...

Теперь нарушена негромкая и светлая жизнь родничка. Руками ощупывает Иван Африканович землю и ощущает ее сырость. Значит, не умер родничок, пробивается...

«Вот так и душа, – думает Иван Африканович, – чем ни заманивай, куда ни завлекай, а она один бес домой просачивается. В родные места, к ольховому полю. Дело привычное».

Эта таинственная переключка образов – характерная черта всей вологодской литературной школы, таинственным образом несущей в себе и сохраняющей соборное начало. В соборности и заключается высший смысл и необходимость этого литературного направления.

Не случайно одна из лучших книг вологодских писателей последнего времени носит название «Вологодский собор».

Сборник этот – действительно Собор в под-

линном, духовном смысле этого слова. И как в православном храме рядом с прихожанами незримо присутствуют, участвуя в совместном богослужении, святые, так и в «Вологодском соборе» рядом с живущими писателями присутствуют те, что уже стали памятниками и улицами, что давно превратились в стены и фундамент соборной русской литературы.

Иногда, как в рассказе Василия Белова «Душа бессмертна», как в стихах Александра Романова и Ольги Фокиной, это присутствие явное, иногда, как в миниатюрах Сергея Багрова «Звонки над бездной», писатели прошлого являются опосредованно, возникая в реминисценциях, ассоциациях, языковой переключке...

Замечательно в «Вологодском соборе» собрание образов и – зачем бояться этого слова? – ликом современной русской духовности.

Это герои Анатолия Ехалова – Колька Петрович из одноименного рассказа и героиня рассказа «Без кусочка», не умеющая понять своей простой душой нелепого и глупого закона... Это Стефан Никифоров, ощущающий себя необходимой частью весеннего ледохода, из рассказа «Человек-река» Роберта Балакшина; это герои рассказов Александра Цыганова, Василия Обатурова, Александра Грязева... Каждый из них несет в себе опыт русской жизни, опыт «огоревывания» больших и малых бед, что приходят в их жизни.

Секрет стойкости героев «Вологодского собора» очень точно сформулировал другой участник сборника поэт Михаил Корочев:

*На отчет погосте, где сгорбились елки,
Где крестная сила
Всю кровную память для нас втихомолку
Навек сохранила...*

В этом и секрет неуничтожимости русской соборности.

Ведь в ее основании не только наши десятилетия, но целое тысячелетие русской православной истории...

9 декабря 1999 года, Вологда

СЕРДЦЕ ЕДИНОРОГА

Почти каждый день выступаю с нашей «агитационной бригадой», пишу статьи для «Народной правды», но все же главное впечатление этих дней – чтение тысячестраничного тома «Сердце Единорога», где впервые собраны все стихи и поэмы Николая Клюева.

Уходящий год навсегда останется для нас годом Пушкина, но не будем забывать, что именно

этот год был назван в мистическом озарении Николаем Клюевым:

*В девяносто девятое лето
Заскрипит зачатый замок.*

– как год его возвращения к читателю.

Сотрудники издательства Русского христианского гуманитарного института в Санкт-Петербурге наверняка не подгадывали к названной поэтом дате, но именно в этом году и смогли мы наконец познакомиться с полным Клюевым.

И только сейчас и можно, листая этот том, по-настоящему осознать весь масштаб его гениальности.

Еще, читая «Сердце Единорога», понимаешь, что все рассуждения о якобы проигранной Россией третьей мировой войне опровергаются такими книгами. Страна, где как бы между делом подготавливаются, издаются и практически мгновенно раскупаются такие книги, не исчерпала духовного, необходимого для победы потенциала.

Так что война не закончилась. Она только начинается...

Кстати, бесконечные и в наши дни переиздания Рубцова – тоже свидетельство несломленности русского духа.

Ну, а перелистывая страницы «Сердца Единорога», ясно видишь не только созвучие образов, языковых конструкций, рассеянных здесь, с образами поэзии Рубцова, но порою встречаешь персонажи, между которыми через страшные десятилетия протягиваются незримые нити.

Как, например, между рубцовским добрым Филяем, который:

*... любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду...*

и клюевским «берестяным попом» – отцом Алексеем из Заозерья:

*Весь он в росе кукушьей,
С окуным плеском в глазах,
За пазухой бабы души,
Ребячий, лоскутный страх.
Дудя коровьи молебны
В зеленый Егорьев день,
Он в воз молочный и хлебный
Свивает сон деревень...*

Они рядом, эти разделенные почти целым веком пастыри...

И хотя рубцовский пастух, кажется, лишен всего (а не только газа и ванной), они близки друг другу своей сутью, и словно бы и нет никакого зазора в сросшемся в живительной лирической глубине стволе русской жизни, который так старательно пытались перерубить в страшные десятилетия.

Символично это соединение судеб.

В нем – высший нравственный результат, который может дать литература, возрождающая православную культуру Святой Руси.

12 декабря 1999 года, Санкт-Петербург

ПЕРЕД ИМЕНИНАМИ

Вчера сидел, доделывал рассказы про Петра I и его птенцов, когда позвонил режиссер Геннадий Егоров и предложил написать для его театра «Патриот» пьесу о Петре I.

Обдумывая это предложение, сегодня с утра снова взялся за своего заброшенного с выборами халтурами и выступлениями «Игумена Дамаскина».

И хотя и просидел над рукописью несколько часов, так ничего толкового и не смог сделать.

Какая-то мертвечина...

Но вечером пошел в церковь и там во время службы будто что-то повернулось в голове, словно звон «апостольского колокола», отлитого Дамаскиным, услышал.

И сразу и понятно стало, как писать.

Как раз перед моими пятидесятыми именинами это и произошло. И звонок от Егорова, и звон «апостольского колокола»...

18 декабря 1999 года, Санкт-Петербург

НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ

За час до Нового года закончил первую часть повести «Апостольский колокол» про игумена Дамаскина.

И только уселся за праздничный стол, как тут же – еще одна радость: Борис Николаевич Ельцин объявил-таки, что с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 года он покидает свой президентский пост.

«Главное дело своей жизни я сделал: Россия никогда не вернется в прошлое... – сказал Ельцин. – Я хочу попросить у вас прощения за то, что многие мечты не сбылись... Я ухожу, я сделал все, что мог...»

В соответствии с Конституцией исполнение полномочий Президента Российской Федерации принял на себя Председатель Правительства – преемник Владимир Владимирович Путин.

31 декабря 1999 года, Санкт-Петербург

ТРИ ДНЯ НАЧАЛА ГОДА

2 января, совершая паломничество на Святую землю, патриарх Московский и Всея Руси Алексей II прибыл в Палестину.

3 января Владимир Владимирович Путин освободил дочь Бориса Ельцина Татьяну Дьяченко от должности советника главы государства.

4 января Россия наконец-то ратифицировала договор с Белоруссией о создании Союзного государства.

Три дня начала года...

Три события...

Случайно подобрались они так или как-то взаимосвязаны между собой, но такое ощущение, словно форточку открыли в душной комнате.

4 января 2000 года, Санкт-Петербург

Е ВМЕСТЕ С ИГУМЕНОМ ДАМАСКИНЫМ
еще третьего января лег в больницу.

Здесь и закончил повесть «Апостольский колокол» об игумене Валаамского монастыря Дамаскине.

Сегодня, на Рождество, с утра отпросился из больницы и поехал в храм Спаса Нерукотворного образа.

Причастился на праздник.

Можно сказать, что вместе с игуменом Дамаскиным причащался...

7 января 2000 года, Санкт-Петербург

ДУХОВНАЯ ЭКОНОМИКА

Был сегодня в психоневрологическом интернате, где совершает богослужения отец Валерий Швецов...

– Ну, хорошо! – сказал я, разговаривая с заведующей. – Вы человек верующий. Вам хочется, чтобы священник приходил в интернат к больным. Но есть ведь еще и начальство... Вы же сами говорили, что они и креститься не собираются... Как вам их удалось убедить, чтобы церковь в интернате открыли?

– Это не я... Это экономика их убедила.

– Экономика?!

– Ну да... Я сама удивилась, когда заметила, что, когда приходит священник, меньше лекарств уходит. А сейчас ведь, сами знаете, какое финансирование... Вот так и решили церковь при интернате открыть.

– И что, оправдала она себя? Я имею в виду экономически?

– Ну а как же? Тем, кто в церковь ходит, мы уже и лекарства не выписываем. Не нужны!

13 января 2000 года, Санкт-Петербург

ПОДСКАЗКА МИТРОПОЛИТА

Давно уже заказали мне в «Молодой гвардии» повесть о митрополите Иоанне (Снычеве), но сколько ни возился с материалом – ничего не получилось.

А теперь еще и пьесу писать надо...

Уже взял в библиотеке книги о Петре I, чтобы заняться подбором материала, но вечером Марина прочитала вслух главу «Келейник» из книги «Митрополит Мануил», и сна как не бывало.

Зато стало понятно, как надо писать повесть о самом митрополите Иоанне.

Сам митрополит Иоанн и подсказал это!

Отложил книги о Петре I и взялся за работу над повестью...

15 января 2000 года, Санкт-Петербург

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ

6 января дан был официальный старт предвыборной кампании по выборам президента России, и в этот же день федеральные российские войска отбили у чеченцев вокзал в Грозном.

8 января Восточная группировка блокировала селение Ведено в Чечне.

10 января федеральные войска заняли город Шали в Чечне.

А сегодня самолеты российских ВВС нанесли мощный удар по позициям боевиков в Шатойском, Итумкалинском и Веденском районах. Все дороги, ведущие из Аргунского ущелья, заблокированы.

Словно чтобы еще выше поднять рейтинг Владимира Владимировича Путина, 15 января Шамиль Басаев установил премию размером 2500000 долларов за его убийство.

Словно для этого же до небывалого за последние девять лет уровня поднялась цена на нефть. На Нью-Йоркской товарной бирже стоимость барреля сырой нефти возросла до 27,28 доллара.

Такая вот предвыборная кампания получается...

И кто в ней может противостоять Владимиру Владимировичу Путину, непонятно.

16 января 2000 года, Санкт-Петербург

ПИСЬМЕНА КРЕЩЕНИЯ

Уже несколько дней пишу в больнице повествование «Облеченный в оружие света» про митрополита Иоанна.

В перерывах между работой стою у окна и смотрю на пустырь внизу. Прямо под окном палаты заметенный снегом фундамент храма.

Храм еще неведомо когда будет достроен, но часовня уже стоит, и сегодня к этой часовне со всех сторон пустыря, барахтаясь в снегу, бредут люди.

Весь день шли, и к вечеру, когда начало темнеть, явственно обозначились на пустыре протоптанные ими тропинки.

Как будто письма Крещения начертались...

19 января 2000 года, Санкт-Петербург

Сегодня слышал в трамвае разговор.

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Старушка возмущалась, чего это правозащитники Андрея Бабицкого защищать кинулись, а вот у нее и внук пропал в Чечне, и пенсии, которую она получает, даже на хлеб не хватает. Чего же ее никто не защищает?!

– Н-да, – сказал мой спутник, услышав эту тираду. – Не позавидуешь нашим правозащитникам, если пенсионеров начнут защищать. Все силы на них можно ухнуть!

– Это уж точно, – согласился я. – Народ так живет, что не напасешься на него правозащитников.

– И как только они выбирают, кого защищать? – не унимался приятель. – Этого Бабицкого ведь еще отыскать надо было...

– Да бросьте вы! – вмешался в наш разговор стоящий рядом мужчина. – Чего им искать? Кого прикажут с Америки, того и побегут защищать...

Грубовато, конечно, мужчина сказал, но возражать тут было нечего.

Никак нельзя нашим правозащитникам без сигнала.

Без сигнала они ведь и не того Бабицкого могут начать защищать.

10 февраля 2000 года, Санкт-Петербург

ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ

Все эти дни, практически не отвлекаясь, пишу повесть «Облеченный в оружие света».

Сегодня ходили на литургию в Измайловский собор. Встретили там отца Алексея с семьей.

После службы зашли к ним, попили чаю.

Потом отец Алексей показывал, как работать на компьютере, однако окончательно я склонился к мысли приобрести компьютер, когда включили Интернет и нашли по поисковику мою фамилию.

Столько разных материалов обо мне в Интернете!

Уже когда прощались, отец Алексей передал предисловие, написанное им к моей повести «Апостольский колокол»: «Суметь раскрыть путь духовного восхождения святого – это крайне сложная задача, даже если и сохранились письма, если известны реальные факты биографии. Ведь главное – понять, правильно осмыслить их и подать должным образом, и это редко кому удается.

Н.М. Коняеву удалось справиться с задачей.

Перед нами на страницах «Апостольского коло-

кола» разворачивается человеческая жизнь, жизнь, которая увенчалась святостью. Показано, как из деревенского мальчишка, калеки с детства, смог вырасти такой богатырь духа. Ясно прослеживается Промысел Божий в жизни этого простого, искреннего православного человека. Благодарить Божию через различные встречи, трудности и испытания очищает душу подвижника, готовя ее стать вместилищем Святого Духа...»

Поздно вечером по радио передали сообщение, что помер Анатолий Александрович Собчак.

20 февраля 2000 года, Санкт-Петербург

Закончил повесть «Облеченный в оружие света».

СИМВОЛИЧЕСКОЕ СОВПАДЕНИЕ

Весь день писал последнюю главу, которая во многом повторяет мою брошюру «Последние дни владыки Иоанна».

Большие куски из брошюры я перепечатывал в текст книги – один к одному.

И все так и шло, пока я не добрался до сцены похорон Владыки:

«Тысячи петербуржцев пришли проститься с Владыкой.

Свято-Троицкий собор оказался не способным вместить столько народа, и люди часами стояли на улице, на холоде. Время от времени из храма выносили потерявших сознание людей...

Собор был открыт всю ночь...

И не только петербуржцы пришли в тот день в Александро-Невскую лавру. Проститься с Владыкой ехали люди из Москвы, из Самары, из больших и малых городов России, из самой дальней дали, до которой достигало слово Владыки.

И кого только не было в толпе. Старые и молодые, писатели и рабочие, художники и крестьяне, коммунисты и монархисты... Казалось, вся многоликая Россия собралась в этот ноябрьский день в Лавре, чтобы проводить в последний путь своего учителя и заступника...

Перечислять даже самых именитых людей, пришедших к Свято-Троицкому собору, – занятие непосильное.

Проще сказать, кого не было тут.

Не было Анатолия Александровича Собчака.

Мэр Санкт-Петербурга, пренебрегши протоколом, так и не явился на похороны митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Когда шли похороны, он демонстративно сидел на просмотре коллекции мод, разглядывая фигуристых манекенщиц.

Говорят, что Собчак якобы запретил и другим

работникам своей мэрии принимать участие в похоронах Владыки. Так ли это, утверждать не берусь, но совершенно точно известно, что официальных представителей мэрии на похоронах действительно не было.

И, разумеется, это тоже штрих к портрету уже и не Собчака, а всей собчаковщины, которой и противостоял светоносный митрополит Иоанн...

Рассказывают, что в тот вечер, когда умер Владыка, зазвонил колокол в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском монастыре.

На колокольне в это время никого не было.

Сначала особого значения этому никто не придал, но потом пришло известие о кончине митрополита Иоанна.

Оказалось, что колокол прозвонил именно в ту минуту, когда скончался великий русский святитель...»

Перепечатывая этот текст, я вдруг поймал себя на мысли, что завтра девятый день Собчака...

Невозможно было бы специально подгадать такое, это совпало само собою.

И какое все-таки это символическое совпадение!

27 февраля 2000 года, Санкт-Петербург

МОСКВА

Ездил в Москву, сдал в издательство «Молодая гвардия» своего «Рубцова», заключил договор, получил аванс.

Договорился с Людмилой Александровной Барыкиной, которую назначили редактором на мою книгу, что она возьмется за работу в августе, а до этого времени я могу дополнить и поправить текст.

Заехал в редакцию журнала «Молодая гвардия», чтобы оставить повесть «Облеченный в оружие света».

Там никакого аванса не дали, сказали, что и гонорара теперь не будет в журнале, ну а мне, раз уж я написал заказную повесть, – премию дадут. Денежную, конечно... Примерно как гонорар и получится...

Из журнала поехал в Союз писателей, где узнал, что за очерки об Александре Сергеевиче Пушкине мне присуждена премия «Русская повесть»...

Зашел на Валаамское подворье и сразу столкнулся там с архимандритом Панкратием.

Подшел к нему благословиться, сказал, что закончил повесть «Апостольский колокол» об игумене Дамаскине...

С подворья поехал в Воениздат, где мне вручили экземпляр книги «Люди против нелюди», изданной в супере, в серии «Редкая книга».

Да, это настоящее чудо.

Так у меня книги еще не издавали...

2 марта 2000 года, Москва

ОБ ЭТОМ МЫ И НЕ ДУМАЛИ ТОГДА

Показал сегодня в Союзе писателей Ивану Ивановичу Сабилу свою выпущенную в «Воениздат» книгу «Люди против нелюди».

Том толстый и в суперобложке.

Иван Иванович полистал книгу, потом спросил:

– А как вы, Николай Михайлович, думаете, можно было такую книгу раньше, в советские времена, выпустить?

– Иван Иванович! – сказал я. – Да эту книгу не то что выпустить, ее и не написать в прежние времена было. Мы тогда и не думали еще об этом...

3 марта 2000 года, Санкт-Петербург

ГИГАНТ

Опять чем ближе к посту, все больше болезней.

В этот год, например, невозможно шумит в ушах.

На Прощеное воскресенье такой шум стоял, что и службу почти не слышал. Пошел к терапевту, а она направила к ЛОРу.

Та посмотрела меня и говорит:

– Ухо как ухо...

– А шумит чего?

– Ухо?

– В ухе!

– Не знаю... – сказала. – Давление у вас тоже не такое высокое, чтобы в ушах шумело.

– Значит, ничего страшного?

– Я ничего не нахожу...

Ну, раз ничего страшного не обнаружилось, прямо из нашей поликлиники в церковь пошел на покаянный канон.

И во вторник ходил, и в среду, и в четверг...

И ничего...

Вроде и поменьше шуметь в ушах стало.

А когда в воскресенье пришел на литургию, вроде и совсем шум прекратился и боль тоже прошла.

Ну и слава Богу!

Причастился как положено, а уже после отпуста, когда подошел к кресту, протоиерей Константин меня остановил.

– Гигант, – сказал. – Гигант вы, Николай Михайлович!

Я, естественно, воспринял это как оценку своего церковного усердия – как-никак и на Прощеное воскресенье был в храме, и все четыре дня покаянного канона отстоял, и сегодня на литургию пришел.

И все это – тоже надо отметить! – с большими ушами!

– Вот видишь, – сказал я жене. – Ты говоришь, что нерадиво я к церкви отношусь, а отец Константин что говорит!

– Так он же не про церковь, он про твою книгу «Люди против нелюди», которую ты ему подарил, сказал...

– Про книгу?! – удивился я и как-то даже и расстроился.

И снова в ушах зашумело.

Правда, когда домой пришли, шум прекратился.

И вместе с ним и огорчение ушло.

Ну, про книгу сказано, так про книгу...

Все равно ведь гигантом назвали, а нам, гигантам, как кошке, любое доброе слово приятно...

19 марта 2000 года, Санкт-Петербург

ЧИТКА

По настоянию отца Алексия купил компьютер и сейчас осваиваю его. Уже нашлепал несколько статей.

Ходил сегодня в театр, читал Геннадия Егорову свою пьесу «Любовь и смерть, смерть и любовь».

Егорову пьеса понравилась. Мне – вообще-то я впервые читаю в театре вслух пьесу! – тоже.

Тут уже никакого компьютера, все живую...

8 апреля 2000 года, Санкт-Петербург

ПАСХАЛЬНАЯ РАДОСТЬ

На последней в этом тысячелетии Пасхальной службе, которую совершал вчера митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир в Исаакиевском соборе, присутствовал и президент России Владимир Владимирович Путин.

Вручая президенту эмаль с изображением собора, ставшего символом нашего города, митрополит Владимир сказал:

– Первый президент России Борис Ельцин завершил свой срок президентства в Вифлееме, на торжествах в честь 2000-летия Рождества Христова. Я желаю вам завершить свой путь в Горнем Иерусалиме...

Можно по-разному относиться к личным качествам наших президентов и архиереев. Но церковный иерарх, как и политический лидер, никогда не является только самим собой. Помимо личных, присущих каждому человеку достоинств и недостатков, наличествует в них духовная составляющая.

Можно видеть в Путине лишь выдвигенца Бориса Ельцина, мастерством политтехнологов проведенного на высший пост, а можно видеть и Главу России...

Можно видеть в митрополите Владимире состарившегося церковного сановника, а можно видеть и правящего архиерея епархии, в пределах которой совершал свои земные подвиги святой благоверный князь Александр Невский...

С точки зрения убежденного материалиста – все это одно и то же, но если вспомнить, что это происходит в Церкви, перед святым алтарем – разница получается гигантская...

Глава России – это не столько сам Путин, сколько то, что видит в нем народ, доверивший ему верховную власть. Не суметь и не пожелать быть таким, каким видит тебя страна, – страшнее, чем измена Конституции. В этом сакральный смысл верховной власти в православной стране, как бы – самодержавием или президентской властью – ни называлась она.

Дела и вера... Вот тот золотой сплав, из которого и рождается история Отечества.

Созидательный труд и молитвы, молитвы и созидательный труд... Только на этом фундаменте и можно возродить страну в ее былом величии Святой Руси.

Божии чудеса происходят по Божией воле, но мы приближаем их сами – своими молитвами, своими трудами.

1 мая 2000 года, Санкт-Петербург

РЕКА ПРАВОСЛАВИЯ

Приехал на Всероссийскую научно-практическую конференцию «Христианство-2000».

В номере самарской гостиницы жуткий холод, зато все окна – на Волгу, на эту ширь, на эту красоту...

Дивная и таинственная связь соединяет берег Волги с берегом Невы...

Какие-то невидимые нити протянуты и через судьбу священномученика Вениамина, митрополита Санкт-Петербургского и Гдовского, начавшего свое пастырское служение ректором Самарской семинарии...

И Мануила, митрополита Самарского и Сызранского, который в борьбе с обновленчеством в Петрограде и начинал свое епископское служение...

И его ученика – митрополита Иоанна...

Окончив Ленинградскую Духовную академию, попал он в Самару, стал митрополитом, а потом, на изломе истории нашей страны, как и его учитель, отправился в город на Неве, где и вступил в бой с врагами православия, и так и вошел в историю митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским...

Думаешь так и, кажется, видишь эту реку русского православия, соединяющую Самару и Санкт-Петербург, которая столь же полноводна, как и Волга, текущая за окнами гостиничного номера.

Великая, неиссякающая река России...

17 мая 2000 года, Самара

ЖИГУЛИ

Сегодня подвели итоги конференции и по благословению архиепископа Самарского и Сызранского Сергия отправились на пароходике к Жигулям.

И хотя собрались на конференции филологи, богословы, историки со всех уголков России, хотя прозвучали здесь замечательные доклады, но поездка эта стала, пожалуй, самым ярким впечатлением, которое осталось от Самары.

И, наверное, самым грустным...

За пять часов нашего плавания от Самары к Жигулям и обратно нас не обогнало ни одно судно. Ни одно судно не встретилось нам...

По пустынной Волге плыл наш теплоход...

И можно после этого сколько угодно рассуждать о подъеме экономики...

Что значат все эти проценты роста, если пустой остается главная река России?

18 мая 2000 года, Самара

САМОЛЕТНЫЙ ХРАП

Вчера утром прилетел в Санкт-Петербург, а уже вечером вместе с Валентином Григорьевичем Распутиным, Сергеем Артамоновичем Лыкошиным, Валерием Николаевичем Ганичевым, Леонидом Ивановичем Бородиным, Александром Сергеевичем Сегенем, Игорем Трофимовичем Яниным отправился на Валаам.

Вроде и праздника особого нет, а гостиница переполнена, и нас вчетвером – Распутина, Сегеня, Лыкошина и меня – поселили в одной комнате.

Я принял снотворную таблетку и прохрапел, как мне сообщили утром, всю ночь.

– Сильно храпел?

– Не очень, – сказал Сегень. – Примерно как самолет, когда взлетает...

20 мая 2000 года, Валаам

РУБЦОВ И ХИМИЯ

Приехал из Москвы Максим Козлов.

Сам он химик, работает в Соединенных Штатах Америки.

Но кроме этого пишет песни и сам исполняет их. Особенно нравится ему писать песни на стихи Николая Рубцова.

Максим прочитал мою книгу и приехал, чтобы договориться, не смогу ли я написать еще и пьесу про Рубцова, чтобы он мог там исполнить свои песни.

– Ну, это ведь режиссер будет решать... – сказала я.

– Я продюсером постановки буду... – объяснил Максим. – Сам режиссера и подберу...

– Ну, тогда в чем же дело? – сказал я. – Конечно, в пьесе про Рубцова без песен на его слова не обойтись...

На том и порешили.

Максим оставил аванс за пьесу и уехал в Америку дальше заниматься химией...

23 мая 2000 года, Санкт-Петербург

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА

Все-таки если постараться, то и силами наших писателей можно делать очень неплохую газету.

Очередной номер «Литературного Петербурга» – свидетельство этому.

Открывается газета стихами Николая Рачкова:

*Перышко с небес, а может – слово,
Если умный, глянь да раскуси.
Сколько голубого-голубого,
Сколько золотого на Руси!*

И как точно перекликается с этим стихотворением статья Валентина Распутина «Все живое идет от народа»:

«Позавчера в Пушкине, в Александровском парке и Екатерининском дворце нам повезло встретиться с экскурсоводом, которая так рассказала об этих исторических местах и в рассказе своем так обеспечила душой каждое слово, что невольно подумалось: перед нами настоящий представитель интеллигенции. И не она одна. Библиотекари, учителя, врачи. Они интеллигентны, потому что они среди народа, они часть народа».

Об этом же и говорит Николай Рачков:

*И в лесу, и в поле столько меда –
Захмелеет на ветру любой.
Свет какой!
Да это у народа
Светится душа сама собой...*

И, может быть, в этом и состоит секрет составления соборной писательской газеты, чтобы на страницах ее встречались единомышленники, не повторяя, а укрупняя друг друга.

И тогда и наполняются материальной силой – «выступать с осуждением сил, занятых беспримерным шельмованием Санкт-Петербурга и его жителей, бессовестно называя наш город криминальной столицей, обратиться в правоохранительные органы с требованием привлечь к уголовной ответственности лиц, публично оскорбляющих достоинство нашего Великого города и горожан» – слова резолюции, принятой на общем писательском собрании.

25 мая 2000 года, Санкт-Петербург

НЕУДАВШИЙСЯ ПРОРЫВ

В Комарово – черемуховые холода! – невыносимо холодно на даче.

В этом холоде и начал писать статью про Юрия Борисова.

Впервые я увидел эту фамилию на конверте пластинки Валерия Агафонова «Белая песня», выпущенной фирмой «Мелодия» в 1989 году.

Название пластинке песня Юрия Борисова и дала...

*Все теперь против нас, будто мы и креста не носили,
Словно аспиды мы басурманской крови,
Даже места нам нет в ошалевшей от горя России,
И Господь нас не слышит – зови не зови...*

Странная, печальная и красивая, эта песня широко зазвучала в магнитофонных записях уже после смерти в 1984 году ее исполнителя – Валерия Агафонова...

Чувствовалось, что песня стилизована под белогвардейский романс, но такие точные были найдены слова, так пронзительно звучал голос Агафонова, что о стилизации забывалось.

Песни Юрия Борисова из белогвардейского цикла, как и настоящие песни Гражданской войны, были оплачены самым настоящим веществом жизни, и судьба их складывалась весьма запутанно.

Лучший исполнитель этих песен, Валерий Агафонов, так и не увидел своих пластинок.

Он умер в 1984 году, когда ему было сорок три года.

На похоронах Агафонова Борисова не было, и глухо, как из колодца лагерей, в котором он тогда и был погребен, звучит его голос в песне «Памяти Агафонова»...

На третью годовщину смерти Агафонова Борисов написал еще одну песню.

*Осень опять за окном скороспелая.
Сколько растаяло их от дождливой поры.
Мы постарели, пока тебя не было,
Выросли дети да в школу пошли.*

Тогда Валерий Агафонов уже зазвучал на пластинках, на конвертах которых было обозначено и имя Юрия Борисова, автора слов песен.

Об этом тоже было сказано в 1987 году в песне Борисова:

*И о тебе говорят все восторженно,
Ты свои спелые лавры сорви,
Мы тебя помним и чтим, как положено,
Только нас в гости пока не зови.*

Конечно же, умирать ему не хотелось.

И прежде всего потому, что само движение времени обещало прорыв из безвестности не только песен, написанных им, но и самого автора.

Но уже кончалась жизнь...

Юрий Борисов как-то очень легко шел на срока...

Последний раз из заключения он вышел безнадежно больным туберкулезом.

Последний год почти не вставал...

А умер он на сорок шестом году жизни на носилках в приемном покое больницы на Поклонной горе.

Странно и страшно, похоже и непохоже сошлась его собственная судьба с той, о которой он писал в песне:

*Вот уж год мы не спим, под мундирами прячем обиду,
Ждем холопскую пулю пониже петлиц.
Вот уж год, как Тобольск отзвонил по царю панихиду
И предали анафеме души убийц...*

Умер Юрий Борисов 17 июля 1990 года в 8 часов наступающего утра.

А вскоре его песню, забывая указывать автора, запела Жанна Бичевская.

А господин Михаил Звездинский – этак застенчиво-застенчиво! – и вообще поставил под нею свое имя...

Впрочем, что говорить об эстрадном мародерстве, речь тут о судьбе художника, который, казалось бы, должен был подойти времени реформ, но которого убил невыносимый холод нашего времени, и сама память о нем снова оказалась замороженной.

28 мая 2000 года, Комарово

МОРСКОЙ ТРАЛЬЩИК «ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ»

Может быть, когда-нибудь и о нашем времени будут созданы эпические романы...

Трудно загадывать, какими изобразят будущие романисты нас, какую оценку получат события, через которые прошли мы и через которые еще предстоит пройти нам, но легко догадаться, как будут вздыхать наши потомки о воздухе, сделавшемся таким прозрачным за наши – без заводского дыма и копоти! – десятилетия...

О небе, которое стало таким светлым и высоким над Россией...

О такой прозрачной воде опустевших рек и озер...

И, конечно же, необыкновенную благоустроенность промышленных окраин наших городов тоже не позабудут авторы будущих эпосов...

Вот как здесь, возле Государственного предприятия «Средне-Невский судостроитель-

ный завод», куда пригласили нас на спуск морского тральщика «Валентин Пикуль».

Редактор «Морской газеты» поэт Борис Орлов, разглядывая загородные дома, вставшие напротив завода, пошутил, что раньше у нас строили крейсера, а теперь только особняки...

Но это и не шутка получилась, а констатация факта...

Этот небольшой тральщик, на спуск которого приехали мы, – первое за последние пять лет судно, изготовленное на заводе...

Раньше, в дореформенные времена, подобный спуск был рядовым событием даже и внутри завода, теперь – это событие общегородского масштаба.

И все-таки получился настоящий праздник...

Все-таки, хотя по сравнению с былым советским судостроением и незначительно свершение, но по нашим временам прорыв, прорыв очевидный, и знаменательно, что имя этому прорыву – «Валентин Пикуль».

Хотя и немало было ораторов на митинге, посвященном спуску на воду нового морского тральщика, но говорили все коротко, и митинг не затянулся.

*Мальчики мои, сыночки,
Нет могилки ваших на земле.
Ветер гасит свечек огонечки,
Имена теряются во мгле...*

– читала Валентина Ефимовская стихотворение, посвященное героям книг Валентина Пикуля...

«Крестная» корабля – вдова писателя, Антонина Ильинична, разбила о борт корабля бутылку шампанского, и тральщик медленно пополз по наклонному слипу к невской воде, в которой отражались пока только особняки новых русских, стоящие на другом берегу.

Скрипели тележки трансбордера, бегали фотокорреспонденты и телеоператоры, стараясь запечатлеть момент встречи корабля с водой...

И встал, встал на воде морской тральщик «Валентин Пикуль»!

Деловито забегал возле него буксирчик «Соколик», помогая новому кораблю освоиться на воде...

Пока шел митинг, пока спускали тральщик, небо очистилось от туч и засияло солнце.

Совпадение, конечно, случайное, но все равно как-то теплее стало на душе. словно стоило только спустить корабль, и все сразу переменялось.

Разумеется, переменялась только погода.

Но в ликующем солнечном свете на обратном пути в город удалось мне наконец рассмотреть на берегу Невы церковь, поставленную во имя

Святого благоверного князя Александра Невского в устье Ижоры...

Это здесь 15 июля 1240 года была одержана нашим святым князем первая победа над тогдашними силами НАТО, вознамерившимися осуществить крестовый поход на Русь.

Здесь, совсем недалеко от Средне-Невского судостроительного завода, где спускали сегодня на воду морской тральщик «Валентин Пикуль».

31 мая 2000 года, Санкт-Петербург

ТИХИЙ ГОЛОС

– Новый-то батюшка пришел к нам в храм, так и не слышно теперь ничего, чего говорит... – пожаловалась мне старушка в белом платочке.

– Почему? – удивился я. – Вроде голос у него громкий...

– Громкий, – согласилась старушка. – У прежнего-то батюшки, не в пример, тише был, а каждое словечко различалось, где ни встань. А этот хоть и кричит, а все равно не по нашему храму. Ни одного слова не разберешь... Не подходит, видать, сюда.

– А не выдумливай, глухня старая! – перебила ее подруга в черном платочке. – Откуда тебе знать, кто подходит, а кто нет? Твоего ли ума это дело?

– И то верно, – согласилась старушка в белом платочке. – Наше дело молиться...

– Вот-вот! – похвалила подруга. – Молись, и некогда будет разбирать, слышно говорят с амвона или нет. Сердцем всё разберешь.

– Так это-то так, – перекрестилась старушка. – Молитвенной теплотой все заполняется... Только молитвенники мы худые...

И она посмотрела на меня.

– Как вы думаете?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Других-то кроме вас все равно нет!

10 июня 2000 года, Санкт-Петербург

«ДВА ЛИЦА ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА»

Ездил в Москву на приемную комиссию.

Выступал на «Народном радио» в открытом эфире. Почитал рассказы из цикла «Речи вознесенские», поговорил о Рубцове. Максим Козлов спел песню на его слова.

Потом поехали в Переделкино, где я остановился, сидели в беседке и пили водку.

Перед отъездом из Москвы первый раз побывал в издательстве «Вече».

Пригласил меня туда Геннадий Иванов, которого я знаю по «Роман-газете». Сейчас он перешел в «Вече» и формирует издательский портфель.

Я показал план-проспект того, что есть у меня для издания.

Геннадий выбрал повесть «Власов до Власова».

Договорились только, что я расширю повесть за счет материала, связанного с пребыванием Власова в немецком плену и его непосредственной изменой.

Будущую книгу решили назвать «Два лица генерала Власова».

15 июня 2000 года, Москва

НУЛЕВОЙ ВАРИАНТ

Всвязи с арестом Гусинского последнюю неделю на НТВ – то ли гуси шипят, то ли настоящие гадюки! – только кроме шипения и не различить ничего.

И все разговоры по телевизору – тоже о Гусинском...

А если не о Гусинском речь, то обязательно о несовершенстве нашего законодательства, по которому любого успешного – как это слово, оказывается, шипит! – предпринимателя можно посадить в тюрьму.

– Нулевой вариант нужен! – рождается из шипения откровение.

А господин Явлинский, как всегда, демократически-двулично прошипел, дескать, он за то, чтобы отстранить всех от кремлевского корыта, но он против того, чтобы выяснять, кто и сколько от туда успел съесть.

– Да-да! – обрадовался Доренко. – Нужен нулевой вариант. Я и думал, что указ Путина о судьбе президента Ельцина означает такой вариант... Ведь иначе все преступниками получают... Все закон нарушали.

Обобщение «все» меня всегда восхищает...

Помню, первый раз я услышал похожий текст от одного пожилого сочинителя, благодаря которому НКВД в 1937 году удалось разоблачить несуществующую организацию. Несколько десятков человек сели тогда, а назад вернулись только двое.

– Тогда все давали показания, какие требовались, – дружелюбно сказал этот сочинитель, когда попрекнули его.

Мне, когда помер Иосиф Виссарионович Сталин, три года было, и я не стал спорить, хотя уже и тогда чувствовал, что не все так единообразно было, как утверждает автор доноса на несуществующую организацию...

Не все доносили, не все – в этом я утвердился, работая в архивах со следственными делами! – давали показания, которые выбивали от них...

Еще однажды слово все было произнесено моим сослуживцем по журналу «Нева», бывшим полупартийным функционером, ставшим в конце восьмиде-

сятых, в соответствии с генеральной линией партии, крутым демократом.

– Все, – сказал этот человек, – все тогда восхваляли Брежнева... Иначе нельзя было.

Тут уже у меня была возможность возразить...

– Отчего же все? – спросил я. – Вот я лично, к примеру, никаких славословий товарищу Брежневу не произносил. И не только я. Очень многие про Леонида Ильича только анекдоты рассказывали... И никакого особого мужества для этого не требовалось. Никто и не заставлял лезть на трибуну и восхвалять генерального секретаря. Желающие сами лезли...

До сих пор не могу позабыть, как посмотрел тогда на меня сослуживец. Испуганно и вместе с тем с каким-то отвращением, словно только сейчас разглядел, что я не такой, как он...

Ну что тут поделаешь?

Одно только и утешает, что таких, которые готовы были ради собственной выгоды писать клеветнические доносы; которые безудержно восхваляли генерального секретаря, чтобы побыстрее продвигаться по службе; которые сломя голову кинулись воровать, когда объявили, что можно всё, что не запрещено законом, – все-таки меньшинство.

И только не надо позволять им прятаться за спины всех...

И сделать это достаточно просто. Нужно только вспомнить, что ты не делал того, что делали они! Не доносил, не восхвалял, не воровал.

И это не только можно, но и необходимо сделать. Нельзя позволить им протащить свой пресловутый нулевой вариант...

Зачем нам всем снова, уже в который раз, начинать жить с нуля.

19 июня 2000 года, Санкт-Петербург

КТО МЫ ТАКИЕ?

Ничто так сильно не портит человека, как богатство и нищета...

Сегодня услышал в кафетерии разговор двух женщин о дворовых кошках и поразился, что, несмотря ни на какие невзгоды, не теряют люди доброты, не утратили сострадания. Заботятся о бездомных кошках, подкармливают их...

– А сегодня, – словно услышав меня, сказала одна из кошатниц. – Представляете? Только я поставила еду кошечкам, а тут какой-то бомж... Схватил миску и потащил... Представляете, какой ужас! И не отнимешь! Ведь он и укусить может! Пришлось вторую порцию для кошечек готовить... Ну, теперь я уже не отхожу от кошек, пока всё не съедят...

И ни к чему было вступать в чужой разговор, но не удержался я.

– Конечно, – сказал. – Кошечкам без волшебствования не обойтись...

Негромко сказал, и если бы не хотели, женщины могли бы и мимо ушей пропустить мою реплику. Но они расслышали.

И – боевые, видно, бабы были! – сами пошли в наступление.

– А вы считаете, что не надо бездомных кошек подкармливать? – напрямик спросила одна.

И хотя я так не считал, но оправдываться не стал, просто снова пожал плечами.

– Вот! – торжествующе сказала женщина. – Я так и подумала сразу, что фашист вы!

И снова только и оставалось мне, что пожать плечами...

Так у нас все странно перепуталось, что и правда не сразу и поймешь, кто ты теперь, кто мы все теперь такие.

6 июля 2000 года, Санкт-Петербург

НУ, вот... *ПОД ВЕТВЯМИ БОЛЬНИЧНЫХ БЕРЕЗ*

Собирался уехать в Вознесенье, поработать, дополняя для издания в серии «Жизнь замечательных людей» книгу про Рубцова, но вместо этого попал в клинику ЛОМО.

Здесь все, как в стихах Рубцова:

*Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат...*

Впрочем, у меня все обошлось.

Уже через два дня выяснилось, что не надо делать операцию.

Лежу в одноместной палате, переписываю и дополняю книгу, а Марина набирает дома на компьютере мою писанину и приносит уже готовый текст, который снова надобно править...

Но как это у Рубцова:

*Нет, не все, – говорю, – пролетело!
Посильней мы и этой беды!
Значит, самое милое дело –
Это выпить немного воды,
Посвистеть на манер канарейки
И подумать о жизни всерьез
На какой-нибудь старой скамейке
Под ветвями больничных берез...*

18 июля 2000 года, Санкт-Петербург

ПОХОРОНЫ БАЛАШОВА

«Мы одно любим, одного желаем: любим отечество, желаем ему благоденствия еще более, нежели славы, желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия, да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!»

Н.М. Карамзин

Эти слова, поставленные Дмитрием Михайловичем Балашовым эпитафией к «Младшему сыну», припомнились, когда сидели мы у входа на Зеленогорское кладбище.

Незаметно спала дневная жара, вытягивая над дорогой тени кладбищенских деревьев, наступил вечер, а Балашова всё не везли... Увы, и вокруг мертвого писателя продолжали клубиться темные силы, омрачая неразберихой его похороны...

Так получилось, что Дмитрия Михайловича, как почетного гражданина Великого Новгорода, поначалу собирались похоронить в Хутынском монастыре, где похоронен Г.Р. Державин...

Но вернулась из Выборга (когда произошла трагедия, она гостила там у родителей) вдова писателя Ольга Николаевна, и выяснилось, что Балашов завещал похоронить его рядом с матерью, в Зеленогорске.

Все пришлось менять на ходу, и в результате на кладбище фургончик с телом Дмитрия Михайловича прибыл лишь к семи часам вечера...

Провожали писателя только родные, Руслан Дериглазов из Новгорода да я с Иваном Ивановичем Сабилло от Санкт-Петербургской организации Союза писателей России. Не скрою, поначалу – не принято хоронить в такое позднее время! – тягостно было на зеленогорском кладбище...

И недоумение – все-таки не последнего человека в России хоронили, могли бы власти хотя бы присутствием какого-нибудь чиновника засвидетельствовать свое уважение к великому патриоту – тоже было...

Но такой умиротворяюще-спокойной была сень кладбищенских деревьев, так проникновенно звучали слова священника отца Александра, что стихала смута, и ясно создавалось, что Господь явил Свою милость, даровав Дмитрию Михайловичу такое прощание...

Все регалии писателя Балашова остались в Новгородской областной филармонии, а здесь, перед разверстой могилой, предстал раб Божий Дмитрий, и какие другие звания нужны человеку, кроме этого?..

Какие еще требуются почести, кроме молитвы, звучащей над его гробом?..

И еще думалось о том, что и завершающая земной путь русского писателя Дмитрия Балашова дорога из Новгорода тоже не случайно возникла в церемониале похорон.

По этой дороге ходил со своей дружиной Александр Невский, чтобы отразить нашествие крестоносцев...

Эта дорога святого благоверного князя, выбравшего Путь и повенчавшего Русь со степью, и стала последней дорогой автора «Младшего сына».

– Дмитрия Балашова похоронили в рубашке-косоворотке, а я его представляю лежащим в кольчуге и шлеме, а рядом меч, – говорил новгородский поэт Руслан Дериглазов. – Потому что этот человек был воином, всю свою жизнь он боролся со злом.

Хорошие слова он сказал.

Бесконечно мучительна и прекрасна наша история, составленная из бесчисленных судеб наших сограждан, своим терпением и трудом превозмогающих зло и своеволие.

Так было все века русской истории, так осталось и сейчас...

Дмитрий Михайлович и без кольчуги лежал в гробу как воин...

Должно быть, точно так же, как и герой его романа «Младший сын» – русский ратник Федор, так же, как те, кто любил Отечество и желал ему благоденствия более, нежели славы...

20 июля 2000 года, Санкт-Петербург

НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА

– Легенда такая, – останавливаясь перед образом Богородицы, сказал наш экскурсовод. – Это еще до революции было... В общем, пьяный мужик замахнулся топором на икону, но не разрубил, а только плечо острием топора задел. И по иконе кровь потекла, прямо из разрезанного плеча Богородицы. Видите, как тут запеклась... Бурые пятна такие...

– Мы другую историю слышали, – возразил один из наших спутников. – Говорят, что икона эта в восемнадцатом году в церкви стояла... Чекисты пришли и священника прямо перед иконой расстреляли. Это его, священника, кровь запеклась на иконе... А вы, – он обратился к монахине, стоящей рядом. – Вы, матушка, как думаете?

– Может, и так, а может, и про топор верно, – сказала монахиня. – Только если смуть запекшуюся кровь, новая потечет. Не заживает рана...

– Почему?

– Кто же знает... Может, по грехам нашим, может, из-за любопытства нашего...

8 августа 2000 года, Санкт-Петербург

БЕСЫ

В церкви как-то беспокойно было...

Вроде и невелик храмик, и народу немного, а все время какой-то шум – чихание, кашель. Люди переминаются с ноги на ногу, все время что-то поправляют на себе...

Седовласый священник, такой маленький и сгорбленный, стоял возле аналая, на котором лежали Крест и Евангелие, и слушал женщину в черном платочке. Говорила она тихо, и вдруг, перекрывая шум в церкви, пронзительно зазвучал грубый мужской голос:

– Это наше! Наши – девки в брюках! Наши – мужики-пьяницы!

Но ужасен был даже не сам голос, а то, что исходил он от скромной женщины в черном платке, что исповедовалась сейчас.

– Вот бедная! – вздохнула стоящая рядом старушка. – Ишь, как бес-то крутит ее! Меня тоже они донимают...

– Вас?

– Да, меня... Я в коммунальной квартире живу, а сосед у меня – красивый молодой парень. Однажды захожу к себе в комнату, а он у меня в постели лежит. Голый весь и к себе манит. Я перекрестила его и из комнаты выскочила, сразу в церковь побежала... А вернулась – возле дома с соседом встретилась. «Откуда ты?» – спрашиваю. А он удивился. «Из института, – говорит. – А что?» Вот тогда и поняла я, что это бес был...

Старушка повернулась к иконе и перекрестилась.

Самого образа Богородицы не разглядеть было.

В стекле киота слабо вздрагивали отражения свечных огоньков. Да еще там теснились разные – старые и молодые – лица...

12 августа 2000 года, Санкт-Петербург

«КУРСК»

В Баренцевом море погибла атомная подводная лодка «Курск».

Вице-премьер Илья Иосифович Клебанов толерантно заявил, что причиной аварии «могла быть мина Второй мировой войны».

Сегодня сообщили, что связь с лодкой отсутствует, поскольку экипаж экономит силы и кислород и поэтому не отвечает. Заодно озвучили новую версию – к аварии привело столкновение с американской подводной лодкой.

Еще говорят, что «Курск» погубила ракета, пущенная с «Петра Великого».

И о том, что «Курск» стал жертвой кавказских террористов...

Все эти слухи перемешаны на телеэкранах с

рассказами о помощи, предложенной нашему Военно-Морскому флоту иностранцами.

Этакая мутная и взрывоопасная смесь!

И кажется, что не в Баренцевом море погиб «Курск», а в этой телевизионной мути.

17 августа 2000 года, Санкт-Петербург

СОБОР

Закончился юбилейный Архиерейский собор Русской Православной церкви, завершивший, по словам патриарха Московского и всея Руси Алексия II, «трагический XX век, в котором Церкви пришлось пережить одно из самых страшных гонений в истории христианства».

– Прославляя подвиг новомучеников, Русская Православная церковь уповаает на их представительство и молится, да проявит Господь милость Свою на нас и даст всем нашим соотечественникам время на покаяние, зажжет в их сердцах огонь веры, ревность о возрождении Руси Святой, нашего земного Отечества... – было сказано на Соборе.

Всего причислили сейчас к лику общецерковных святых 1154 подвижников веры и благочестия. Светлый и дивный Собор заступников российских! Не их ли чудесное заступничество и помогает нашей стране в эти трудные августовские дни?

Несчастья велики, но, кажется, впервые за последние десятилетия Россия так ясно и отчетливо осознала, что никто, вопреки заверениям телекомментаторов, не будет помогать нам в преодолении напастей, обрушивающихся на нас. Преодолеть эти беды сможем только мы сами.

С Божией помощью...

По молитвам святых земли Русской...

И как тут не вспомнить, что в таком же августе посреди ночи вспыхнули свечи в храме Рождества Богородицы во Владимире и когда испуганный пономарь заглянул в храм, он увидел восставшего из гробницы святого благоверного князя Александра Невского...

Тогда были обретены его святые мощи.

Случилось это шестьсот с лишним лет назад, в тот самый день, когда правнук Александра Невского князь Дмитрий Донской брал у преподобного Сергия Радонежского благословение перед Куликовской битвой...

Величественно и незримо вершится история православной страны, и лишь спустя многие годы, иногда целые столетия – раскрывается потаенный смысл событий.

18 августа 2000 года, Санкт-Петербург

РОДНОЕ

Специально вернулись с дачи, чтобы на Преображение в церковь сходить, а все равно так получилось, что только к концу службы и добрались до храма. Решили на следующий день причаститься, но вечером опять дела навалились, звонки телефонные, новости, и как-то незаметно уже и договорились с женой, что не пойдем причащаться завтра, только зайдем в церковь и всё...

С этими мыслями и легли спать.

Но рано утром проснулся, будто окликнули. И главное, что снова заснуть ну никак невозможно... Встали. Вычитали «Последование ко Святому Причащению» и пошли в церковь...

И только вошли, как сверху – у нас храм на втором этаже находится – услышал пение хора и голоса – такие близкие, такие родные...

И Евангелие читали об апостоле Петре, который и пошел было по воде, но усомнился и начал тонуть – как раз о том, о чем последнее время думаю...

И батюшка в проповеди тоже говорил, как будто на мысли мои отвечая...

О страхе животном говорил, который, если не преодолеть его, состарится вместе с тобою; о лени в молитве, которой мы обижаем Бога...

И все это, как часто в церкви бывает, как будто только для тебя и говорилось...

И так страшно стало, что мог не прийти и не услышать всего этого.

20 августа 2000 года, Санкт-Петербург

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ!

Еще в прошлом году на выездном Пленуме Союза писателей в Вологде Валентин Григорьевич Распутин пригласил меня принять участие в днях Русской духовности и культуры в Иркутске...

Недавно он позвонил. Сказал, что фестиваль начнется первого октября...

– Вот как хорошо! – обрадовался я. – Как раз сборник «Дальний приход» в «Диоптре» выйдет.

– Какой сборник?

– Ну, вы для него рассказ «В ту же землю» прислали и очерк «Ближний свет издалека». А всего в сборнике четыре автора: Крупин, Белов, вы и я... Православная проза.

– Хорошо, – сказал Распутин. – Так вы приедете?

– Да... И книжку привезу.

Уже после разговора я подумал, что напрасно пообещал книгу. Кто знает, когда ее привезут из типографии.

Но сегодня издатель сказал, что готов сборник.

Хорошая книжка получилась.

Выпущена она в серии «Русская духовная проза» – на обороте напутственные слова:

«Возрождение России, как это уже не раз бывало в ее многовековой истории, после лихолетья начнется через духовное возрождение русского народа, через обретение им утраченной веры, через Православие и осознание необходимости соединения в единую духовную силу. Теперь, когда годы богоборчества и насильственно насаждаемого безбожия прошли, русские писатели, осознавшие необходимость нравственного и духовного возрождения народа, берут на себя труд облегчить переход его через духовное бездорожье, указывая пути к поиску веры и обретению ее.

Господи, благослови!»

20 сентября 2000 года, Санкт-Петербург

РЫНОК ПОБЕДИЛ

Возле платформы электричек в Переделкино всегда был стихийный рынок...

Торговали овощами, фруктами, семечками...

Сейчас тоже торгуют овощами, фруктами, семечками. Только сейчас продавцов больше, чем покупателей...

В длинный ряд выстроились торговки семечками.

– Сейчас моя очередь продавать! – сказала одна из них, когда к ним подошла покупательница.

– Вот это рынок и есть! – восхищенно проговорил мой спутник. – Предложение, как говорится, превышает спрос.

– Рынок, конечно! – уныло кивнула одна из продавщиц. – Только спросу чего-то на наш рынок не завозят. Бывает, целый день просидишь, пока своей очереди дождешься, чтобы продать стакан семечек.

27 сентября 2000 года, Переделкино

ИРКУТСКОЕ ВРЕМЯ

Когда я учился в Литературном институте, я хорошо знал ребят из Сибири.

Они прилетали на сессии, и трудно – гудежом и запоями! – выходило из них сибирское время, заславлявшее просыпаться посреди ночи.

Нечто похожее происходило теперь и с нами.

Самолет опоздал на четыре часа, но Валентин Григорьевич Распутин и руководитель иркутской писательской организации Андрей Григорьевич Румянцев ждали нас в аэропорту.

Они объяснили, что из-за задержки самолета мы успеем только позавтракать в гостинице и сразу нужно ехать в администрацию.

– Сейчас же всего шесть, – сказал кто-то.

– Это по Москве, а местное время уже одиннадцатый!

Но поспели, поспели на прием к губернатору Иркутской области Борису Александровичу Говорину, и уже за столом, когда выпито было несколько рюмок, возникло ощущение, что каким-то чудесным образом переместился я в литинститутские годы.

Об этом, о ребятах из Сибири, прилетавших в Москву, и сказал я, когда подошла моя очередь говорить тост, о том волшебстве, которое преображает человека, когда сливается московское и иркутское время...

Потом было выступление в Иркутском пединституте, ну а вечером, в театре, во время выступления Кубанского хора, стало понятно, что слияние московского, кубанского и иркутского времени осуществилось сегодня во всевозможной полноте.

Как сказала Марина Ганичева, если вы не слышали кубанцев, вы не знаете, что такое настоящее народное пение, вы не понимаете, что такое, наконец, быть русским человеком в России.

Эти слова прозвучали уже после концерта в ресторане «Ангара», где снова говорили и об иркутском времени, и о незарегулированной русской песне, и о Днях русской духовности и культуры в Иркутске, которых так не хватает по всей России.

1 октября 2000 года, Иркутск

БАЙКАЛ И КОЛЧАК

В Иркутске уже вторая осень.

Березы облетели. За черной паутиной березняков ярко-рыжее пламя октябрьских лиственниц.

Но самое поразительное здесь – Байкал.

Это ощущение рождается из-за необыкновенности здешней воды – она не переплавляется в краски, и поэтому-то и нет более или менее точных фотографических и художественных пейзажей озера.

И как-то особенно проникновенно звучали здесь рассказы Леонида Ивановича Бородина, как еще школьником нашел он в сундуке у тетки тетрадку стихов колчаковского офицера...

Стихи эти Леонид Иванович не запомнил, и у меня в памяти всплывали под его рассказ строки Сергея Маркова:

*Помню стук голодных револьверов
И полночный торопливый суд.
Шпагами последних кондотьеров
Мы эпохе отдали салют.
Ведь прошли, весь мир испепеляя,
Дерзкие и сильные враги.*

*И напрасно бледный Пепеляев
Целовал чужие сапоги...
И теперь в груди четыре раны.
Помню я, при имени моем
Встрепенулись синие наганы
Остроклювым жадным вороньем.
И сомкнулось Время, словно бездна,
Над моей погасшею звездой.
А душа в глуби небес исчезла,
Словно в море кортик золотой...*

Влюбленные в адмирала Колчака поэты из «Сибирской бригады», конечно, ошибались... Расстреливали адмирала и его премьер-министра не на перроне иркутского вокзала, а на льду Ушаковки у еще незамерзшей под стенами монастыря иордани.

И не целовал чужие сапоги Виктор Николаевич Пепеляев...

Но боль в этих стихах настоящая, горечь предательства, совершенного вчерашними союзниками, неизбывна.

И я повторял про себя слова Андрея Валентинова:

*К Байкалу, сквозь дебри, уходят колонны,
Мелькают вдали то изба, то погост.
И снег оседает на наших погонах
Цепочкой нежданных серебряных звезд.*

И казалось, что и вторая иркутская осень с ярко-рыжими лиственницами за черной паутиной облетевших березняков; и байкальская, не переплавляющаяся в краски вода; и вся колчаковская эпопея с этим мыском у монастыря на берегу Ангары, где и расстреляли адмирала, – это грани единого целого, что и называется Восточной Сибирью...

2 октября 2000 года, Иркутск

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ

Только вернулся из Иркутска, а тут уже новая поездка – выездной Пленум Союза писателей в Приднестровье.

Побывать в Тирасполе и Бендерах, где я был в 1992 году, когда там шла война, мне хотелось давно, но только ведь и работать надо. Приближаются сроки сдачи книги о генерале Власове, и терять сейчас десять дней – неппростительная роскошь.

Выход подсказала жена.

Она предложила приобрести ноутбук.

Все равно книгу про Власова я пишу в основном на компьютере, и если загнать в ноутбук все подготовительные материалы, можно продолжать работу над книгой где только выдастся время.

Так и сделали.

Поехал в Приднестровье с ноутбуком.

Но так уж получается у нас, все правильно вроде бы планируешь, только на практике ничего не получается.

Не шибко-то много оказалось пользы от ноутбука. Только откроешь его, чтобы поработать, а тут сразу тебя любопытные окружают, спрашивают, что к чему...

В завершение, на фуршете, который был устроен в депутатском зале на вокзале, съел что-то нехорошее и отравился.

Всю дорогу до Киева тошнило.

– Это у тебя от компьютера, должно быть, – сочувствовал мне сосед по купе. – Ишь как прихватило.

Может, и от компьютера.

Спрятал его поглубже в свой чемодан, и действительно вроде и полегчало.

Продремал всю оставшуюся до Приднестровья дорогу.

21 октября 2000 года, Москва – Тирасполь

ПРИДНЕСТРОВЬЕ

Живем в профилактории, где нет – ее нет нигде в Приднестровье! – горячей воды в номере, где нет – его нигде нет в Приднестровье! – отопления.

Нищета жуткая.

Но зал, куда мы поехали выступать вместе с Егором Исаевым, оказался полным.

И как-то особенно проникновенно звучали здесь, в Приднестровье, строки из исаевской поэмы «Мои осенние поля»:

*До слёз люблю такую пору,
Когда и сам, под стать простору,
Раскидан весь и отворён,
Как взрыв, и тут же взят в полон
Тоской полей остро и хватко
До узелка... Но вот загадка:
Куда иду? И почему?
Подал бы руку – но кому?
Сказал бы слово – но о чём?
Плечо бы чьё своим плечом
Доукрепил... Да только жаль,
Во все концы немая даль
Крестом лежит сквозно и мглисто...*

И даже в рассказе Егора Александровича о том, как – соперником его был Александр Исаевич Солженицын! – присуждали ему Ленинскую премию, здесь, в Приднестровье, ощущалась особая значимость и какая-то эпическая полнота...

23 октября 2000 года, Тирасполь

Но вот и Бендеры...

ВСТРЕЧА

Улицы, на которых в июле 1992 года лежали срезы пулями уже увядшие ветки...

Узкий, похожий на коридор дворик рабочего комитета Бендер, где тем страшным летом трупы лежали прямо на асфальте...

Кое-где и сейчас еще сохранились на асфальте следы мин. Они похожи на брызги шампанского, не выпитого в тот выпускной вечер.

Повсюду стоят кресты, обозначая места, где погибли защитники Бендер...

А вот и люди, которых я видел в июле 1992 года...

Серб Тома... В 1992 году он ходил с повязкой – «РО» («Рабочие отряды») – на рукаве. Сейчас он в администрации города и по-прежнему повторяет свою присказку: «Запиши на стене, так и будет...»

Тома показывает фотографии. Обычные, почти семейные снимки, какие можно найти в любом селе, в любом городе, но здесь на каждой снимке лежит печать истории...

Вот молодые парни курят у железобетонных блоков. Только это ведь не просто железобетонные блоки, это застава, пост. И курят ребята, не просто коротая время, а в ожидании боя, может быть, последний раз в жизни. Пройдет немного времени, и загремят выстрелы, начнется бой.

А вот эти же ребята возле гроба. Такие же, как везде, похороны, но немножко другие – здесь хоронят человека, который погиб, защищая свою Родину, свое Приднестровье...

24 октября 2000 года, Бендеры

ПРЕЗИДЕНТ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Когда-нибудь биографы расскажут о детстве президента Игоря Смирнова, проведенном в Хабаровском крае, и о его учебе в златоустовской ремеслухе, и о его работе на заводе в Новой Каховке, но уже сейчас, бегло оглядывая эти вехи жизни президента Приднестровья, мы видим, как прочно и равномерно сцеплены в ней Россия, Украина, Молдавия...

И, конечно же, это не случайно.

Таким и должен быть президент республики, не признанной официально, но прописанной, как сказал Валерий Николаевич Ганичев, в сердцах и душах русских, украинцев, молдаван.

Когда в 1992 году я читал на броне БТРов «Румынский не выучу только за то, что на нем разговаривал Снегур» – очень трудно было предположить, что Приднестровье, воевавшее с Молдавией за то, чтобы говорить по-русски, станет хранителем и защитником молдавского языка.

Но открываешь альманах «Литературное Приднестровье» или «Исторический альманах Приднестровья» и видишь, как мирно уживаются под одной обложкой тексты на русском и молдавском языках...

И тем удивительнее это, что в самой Молдове предпринимаются сейчас яростные попытки заменить молдавский язык румынским, отказываясь от значительной части словаря и – главное! – от родной кириллицы. В Кишиневе пытаются лишиться свой государственный язык его национального и исторического своеобразия и превратить его в малограмотную окраину румынского языка.

И произошло то, что никак невозможно было вообразить себе в 1992 году.

Отмененный в самой Молдове, лишенный родного алфавита, молдавский язык нашел убежище в Приднестровье.

Для русских писателей и патриотов Приднестровья навсегда останется символом мужества и твердости. Среди бесконечных поражений, которые терпим мы на всем пространстве бывшего СССР, в одном только Приднестровье вопреки всему была одержана победа.

И это во многом заслуга президента Приднестровья, человека, соединившего Россию, Украину и Молдавию в самой своей жизни...

25 октября 2000 года, Тирасполь

ЭКУМИНИСТИЧЕСКОЕ ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Завершил в прописанный в договоре срок книгу «Генерал Власов. Жизнь. Судьба. Легенды», и тут Сергей Романов, редактор газеты «Вечный зов», пригласил выступить на конференции «Христианская пресса – 2000».

Я приехал, чтобы прочитать доклад «Духовность и нравственность в разрушающемся мире».

Особенно ярко прозвучали в докладе мысли о ценностях православия, о превосходстве православной морали, которые я отчасти несколько педантизировал, поскольку видел, что это вызывает живой отклик аудитории.

И только в конце выступления сообразил я, что нахожусь на конференции баптистов.

Однако все завершилось мирно...

Экуменистично, так сказать...

2 декабря 2000 года, Санкт-Петербург

РАЗМЫКАЯ БЕЗВЫХОДНЫЙ КРУГ

Полтора года назад, в сентябре 1999 года, выступая в Кронштадте на Общественных слушаниях по вопросу переноса памятника Владимиру Ильичу Ленину, я говорил, что это событие станет гораздо более сокрушительным для темных сил деянием, нежели простое разрушение или осквернение его.

Передвигая памятник, мы, не покушаясь на советскую историю, сокрушим саму темную энергию злости и разрушения, которую пытаются вызвать и вызывают в нашей стране силы ада! В любом другом месте памятник утратит свое сакральное значение, превратится лишь в знак хотя и невеселой, но ушедшей в историю советской жизни.

И тогда, может быть, и разомкнется заколдованный круг нашей истории!

Уезжал я тогда, хотя и не услышали моих доводов, с твердым убеждением, что памятник В.И. Ленину, который защищают сейчас коммунисты, потому и должен добровольно уйти из алтаря Андреевского собора, что нынешняя КПРФ позиционирует себя как партию, защищающую интересы бедных слоев населения, обездоленных в результате воровской приватизации...

Вскоре мне довелось напрямую спросить у руководителя санкт-петербургского отделения КПРФ Юрия Павловича Белова, что он думает по этому поводу, ведь объективно получается, что опять русских людей сталкивают с такими же русскими людьми, и он ответил, что коммунисты за то, чтобы перенести монумент!

И вот наконец-то случилось то, чего ждали все.

29 декабря 2000 года памятник В.И. Ленину по распоряжению губернатора Санкт-Петербурга В.А. Яковлева был демонтирован, чтобы открыть его в сквере Юного ленинца у здания администрации Кронштадта.

Все-таки, если отбросить предубеждения и амбиции, можно разорвать и такой заколдованный круг, из которого, кажется, и не могло быть выхода.

И тогда само собою уходит зло, уходит ненависть, которую и сейчас снова пытались разжечь между русскими людьми.

29 декабря 2000 года, Санкт-Петербург

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдаря», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

